

أمين لجنة المقر: المهندس نبيل حياض
أمين اللجنة الثقافية: الأستاذة رالية شيخ العرب
الرئيس: الدكتور سعد الله صابونة

十 九 八 七 六 五 四 三 二 一
 十 九 八 七 六 五 四 三 二 一
 十 九 八 七 六 五 四 三 二 一

ЗАЗЕМЕЛЪЕ

18+

Демоны и варвары

Надежда Волгина

Заземелье

«Автор»

2016

Волгина Н.

Заземелье / Н. Волгина — «Автор», 2016 — (Демоны и варвары)

Рок в лице красавца Филиппа похитил Фаину из дома и поместил в колонию, где женщин используют, как полезные вещи. Так она попала в Заземелье, где ей была отведена роль в цепочке невероятных событий. И это сразу после того, как погиб ее горячо любимый брат. Она хотела умереть, но вынуждена была пройти через все круги ада на пути к свободе и любви.

© Волгина Н., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	17
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Глава 1

Наверное, многие сейчас счастливы. А мое сердце расколото на множество мелких кусочков. Кто-то в данный момент смеется, а я стою на краю могилы. Вернее, стою я возле свежего холмика и смотрю на сиротливые гвоздики, тербимые ветром. Такое чувство, что там я, а не он.

Как ты мог, Виталька? Как мог оставить меня одну? Почему ты так торопился жить?

– Фай, пойдем... – Рая тронула меня за плечо. – Все в автобусе, ждут тебя. В столовке обед остынет.

Говорить сил не осталось, кивнула и, с трудом оторвав взгляд от злосчастных гвоздик, поплелась за подругой.

Ад начался три дня назад, когда среди ночи зазвонил мой сотовый.

– Алло, – ответила машинально, сознание еще не проснулось.

– Фаина Раневская?

Думаете, шучу? Ничего подобного! Меня, действительно, так зовут. Так назвала меня мама, а фамилия досталась от папы вместе с отчеством Витальевна. Больше мне ничего от него не перепало, в том числе и воспоминаний. Витальке повезло больше – его еще и называли в честь забившего на нас отца. Хотя, повезло ли? Сейчас я в этом сомневаюсь.

– Да. А кто это?

Голос в трубке мужской, грубоватый. Собеседник тяжело сопел, словно только что пробежал кросс.

– Майор Васильев, – представился мужчина.

Сердце предательски замедлило ход, в руках появилась слабость. Я едва не выронила трубку. Еще до того, как узнала, я поняла – с Виталькой случилось что-то страшное.

– Виталий Витальевич Раневский – ваш брат?

Ответить не смогла. Лишь кивнула и тут же услышала:

– Фаина Витальевна, вы меня слушаете?

Я опять кивнула, как болванчик, и хрипло выдавила:

– Да.

– С вашим братом произошло несчастье...

Он продолжал говорить, а меня заволакивал туман, лишая способности слышать. В уши словно вставили беруши, голова кружилась. Единственное, что слышала отчетливо, – биение собственного сердца, тяжелое и размеренное.

– Где он?

– В морге. Вам нужно утром приехать на опознание.

– Хорошо, приеду.

Вот и все. Виталька тоже бросил меня. Сначала мама, потом тетя Вера, а теперь он... Не осталось никого, только я и огромный чужой мир.

– Фай, слушай, может мне пожить у тебя? – Голос Раисы прорвался сквозь туман безотчетных мыслей, которые были моими спутниками последние три дня. – Как ты одна-то?

Я посмотрела на веснушчатое и доброе лицо подруги и затрясла головой.

– Не надо, Рай. Все нормально.

– Ты бы хоть поплакала, – она потеряла покрасневшие от недавних слез глаза. – Так же легче.

– Не могу...

Я пыталась плакать, когда просиживала ночи у гроба, глядя на любимое лицо. Но глаза оставались сухими. Рыдало сердце, прощаясь со счастливой жизнью.

Я смотрела на брата и не могла наглядеться. Он как живой, только ужасно бледный. Лицо не пострадало в катастрофе. Оно единственное осталось нетронутым. Все остальное – переломано, искалечено. Патологоанатом сказал, что Виталька получил повреждения, несовместимые с жизнью.

Ненавижу мотогонки! Теперь ненавижу. Раньше любила смотреть, как гонщики стремительно несутся по пересеченной местности, прыгая с трамплинов, заваливаясь на бок на поворотах. Адреналин бурлил в моей крови, заставляя замирать от восторга.

Как я гордилась Виталькой! Он был одним из лучших – сильный, красивый. Чемпион России по мотогонкам. И где он сейчас? В сырой земле. Даже не в земле, а в песке.

– Рай, почему на кладбище песок?

– Что? – Подруга смотрела на меня непонимающе.

– Ну, почему там нет нормальной, качественной земли?

– Фай, ты что? Зачем об этом?.. – Из ее глаз опять закапали слезы. – Перестань...

– Почему все в жизни так по-дурацки? Как жить?

– Фай, поехали ко мне, – шмыгнула она. – Ну, как ты будешь одна? Поживешь немного с нами.

Как же она не понимает, что я не могу? Что же он один будет блуждать по квартире? Ведь говорят же, что дух усопшего еще сорок дней находится там, где жил.

– Не могу. Не переживай, со мной все будет в порядке.

Ее взгляд выражал недоверие. Она что же думает – я попытаюсь покончить с собой? Для этого, как минимум, нужно быть сильным человеком. А я трусиха, всю жизнь пряталась за спиной более сильного брата-близнеца. Он был даже больше, чем братом. Половиной меня. Все решения принимал он, а я безоговорочно подчинялась. Можно сказать, что он жил за меня.

Вспомнилось, как он заставил меня поступить в университет после окончания школы. Я хотела пойти работать, чтобы хоть чуть-чуть облегчить нам жизнь. Он остался непреклонен.

– Фаина, – он меня всегда так называл, когда сердился. В другие моменты я была Пипой. Это прозвище родилось с детства, когда он плохо выговаривал буквы, а меня, почему-то, все называли фифой. – Я смогу нас обеспечить. А тебе нужно учиться.

Он старался, чтобы я ни в чем не нуждалась, работал, как вол, и занимался спортом. Только благодаря ему я закончила экономический факультет, устроилась работать в банк и сейчас неплохо зарабатывала. А он... он разбился. Неужели это и было его предназначением в жизни – поставить меня на ноги?

Воспоминания прервали приглушенные рыдания. Я посмотрела на другой конец стола. Плакала Валюшка – девушка Витали. Наверное, ей тоже тяжело. Хотя, так, как мне, не может быть тяжело никому. Пройдет время, и она забудет моего брата, найдет себе другого. С такой-то модельной внешностью точно долго не останется одна. А кто мне вернет брата? Никто.

Раиса настояла, чтобы проводить меня до дома. Противно моросил дождь, пока мы молча шли по улице. Несколько раз Рая пыталась заговорить, но, видя мое явное нежелание, замолкала, так и не начав.

– Справишься? – единственное, что она спросила возле подъезда.

Я лишь молча кивнула.

Квартира встретила пугающей тишиной. В ней и раньше-то не было оживленно, не считая последних трех дней, когда со мной постоянно находились соседи и сослуживцы. Наверное, поэтому тишина казалась неестественной, звенящей.

Это была квартира тети, а потом наша. Мама умерла, когда нам исполнилось по шесть лет. Тетя Вера, ее старшая сестра, забрала нас к себе. Так случилось, что она не вышла замуж. Старше мамы на двадцать лет, жила одна, недалеко от нас. Так и зажили мы втроем, а мамину квартиру продали, чтобы было на что жить. Других родственников у нас не было. Мама с тетей

Верой осиротели, едва маме исполнилось три года. Старшая сестра заменила младшей мать, а потом и ее детям.

Тетя Вера умерла, когда я заканчивала одиннадцатый класс, и остались мы с Виталей одни на целом свете. А теперь не стало и его.

Так хотелось заплакать, но я не могла, глаза щипало от прятавшихся в них слез, но ни единой не пролилось. Словно кто-то запрещал мне плакать.

Я прошла в комнату брата и присела на краешек дивана. Здесь все было, как при нем. Казалось, он вышел ненадолго и скоро вернется. На спинке стула висел его любимый бежевый свитер, на батарее сушилась пара носков, которые он мне категорически запрещал стирать. Говорил, что трусы и носки мужчина должен стирать сам. Письменный стол с компьютером и шкаф-купе такой же, как в моей комнате, только без зеркальной двери. Когда я хотела и ему заказать шкаф с зеркалом, он так возмутился, что долго не мог успокоиться. Толковывал мне, что никакой он не нарцисс и созерцать себя в зеркале в полный рост не привык.

С удивлением осознала, что сижу и улыбаюсь, разглядывая компьютер. Вспомнила, как учила его им пользоваться, как он психовал, когда не понимал, что я пытаюсь объяснить. Смешной такой, зарегистрировался вКонтакте и в те редкие моменты, когда находился дома, общался с друзьями, слушал музыку, скачивал какие-то фильмы.

Опять подступили слезы и не пролились. Я вышла из комнаты Витали и плотно прикрыла дверь, словно боялась, что кто-то может войти туда и переделать все по-своему.

Нужно что-то поесть и подготовиться к работе. Остаться и дальше дома неприлично, начальница и так разрешила три дня не выходить. Есть не хотелось, поэтому я ограничилась чашкой чая и бутербродом с сыром. Потом погладила брючный костюм, повесила на плечики и отправилась спать, хоть еще и не было поздно.

И прежняя жизнь осталась за границами воспоминаний. То, что последовало дальше, никак нельзя назвать реальностью.

Глава 2

Проснулась я от промораживающего холода. Пахло хвоей. Тихо шелестела листва, и ничего не видно. Зубы выколачивали барабанную дробь. Тело одеревенело. Мне снится чересчур реальный сон? Но во сне, насколько я знала, не мерзнут по-настоящему. И почему так темно?

Я попыталась растереть руки и почувствовала, как миллион невидимых иголок впиваются в кожу. От боли не выдержала и застонала. Попробовала сесть и подтянуть под себя ноги, чтобы согреться. Получилось с трудом.

Что происходит? Где я? Физическая боль и холод не позволяли испугаться. Обхватив себя руками, растирала предплечья. Что-то кольнуло в ногу. Я потрогала это место рукой и вытащила еловую иголку, как поняла по запаху. Значит, я сижу на еловых ветках, накрытых какой-то дерюгой.

Постепенно проступали очертания помещения. Этому способствовал слабый свет, пробивающийся сквозь щели в бревнах. Наверное, луна...

Комната или дом размером с комнату, не отличалась величиной. Возле стены я разглядела что-то похожее на одежду. Соскользнув с еловой кучи и больно ударившись обо что-то ногой, по ледяному земляному полу доковыляла до стены. Одеждой оказалась старая, судя по запаху, фуфайка. Под ней – огромные сапоги. Первым делом сунула в них ноги. Сразу стало теплее. Фуфайка доходила до щиколоток. Я закуталась в нее поплотнее. По телу заструилось приятное тепло.

Вернувшись на еловую насыпь, задумалась. Что было правдой? Виталя разбился, вчера его похоронили. Это правда? Горе накатило волной без предупреждения, заставив сжаться в комок. Как бы я хотела, чтобы это оказалось неправдой! Вот бы сейчас проснуться и увидеть смеющееся лицо брата – как он будил меня, когда я упорно выключала будильник и просыпала на работу. А потом заставлял завтракать... В груди привычно защемило от непролитых слез.

А дальше? Я отправилась спать, а потом? Потом оказалась здесь. Судя по всему, именно это неправда. Тогда, я должна скоро проснуться в собственной кровати и забыть про этот кошмар.

Потянуло запахом готовящейся еды. В комнате заметно посветлело. Наверное, рассвет. На полу ведра, лопаты, вязанка дров в углу... Кругом грязь и запустение. А пахло все сильнее, пока я не поняла, что рядом с домом, действительно, готовят.

Выходить наружу боязно. Скорее всего, готовит тот, кто меня сюда притащил.

Я подошла к двери и толкнула, опасаясь, что она заперта снаружи. Дверь неожиданно легко поддалась и жутко закрипела, а потом и вовсе распахнулась. Передо мной раскинулся лес, окутанный предрассветными сумерками, небольшая полянка и ярко пылающий костер с дымящимся котелком. Кто-то сидел рядом с костром и помешивал варево. Поворачиваться, похоже, не собирался. Я видела широкую спину и темные волосы, спрятанные под воротник теплой куртки. Он наклонился к костру и с шумом втянул похлебку, а потом отложил ложку на большой камень.

Дольше переминыться на пороге было глупо, я неуверенно двинулась к костру. Пора узнать, каким образом оказалась в лесу, кто этот мужчина и что ему от меня нужно?

В огромных сапогах идти оказалось неудобно, они все время норовили соскользнуть, приходилось тащить их за собой по земле. Холод проникал под фуфайку. Я плотнее закуталась, обернув ее вокруг себя на манер кимоно и застегнув пуговицу на спине.

Возле костра стало намного теплее, по коже побежали приятные мурашки. По мере приближения, мне открывался сначала профиль незнакомца, а потом я разглядела его лицо, когда глаза привыкли к яркому свету. Но, что это за лицо?! Еще не встречала таких красивых муж-

чин. В свете костра его кожа отливала бронзой. Наверное, он смуглый, вот и кажется, что бронзовый. Черные волосы волнами окаймляли лицо, открывая широкий лоб, прямой нос, строгую линию губ и квадратные скулы. Глаза не могла разглядеть. Он не смотрел на меня, а что-то искал в сумке, стоявшей рядом на земле.

Это уже становится интересным. Я обогнула костер и присела на поваленное дерево с другой стороны. Ладно, раз он играет в молчанку, я тоже первая не заговорю. Зато, появилась возможность как следует рассмотреть его одежду. Весь в черном, надо же! Брюки со стрелками, батник с круглым вырезом, из которого выглядывает мощная с выступающим кадыком шея. Я заметила золотую цепь, не самую тонкую, она проглядывалась под батником, и фрагменты ее поблескивали на шее. Куртка, по-моему, кожаная и явно дорогая.

Интересно, что он делает в лесу в таком прикиде? Больше смахивает на модель, и место ему на подиуме. Даже ботинки, и те лакированные!

Мое удивление все росло, пока я не посмотрела на его руки и не забыла обо всем на свете. Такие руки могли быть у пианиста или скульптора, возможно еще хирурга. С длинными пальцами, красивой формой ногтями, они грациозно достали из сумки какую-то коробочку, а потом взяли ложку, зачерпнули ей что-то белое и рассыпчатое и добавили в котелок. Я сидела, как зачарованная, не в силах отвести взгляда от такой красоты, представляла, как эти пальцы трепетно порхают над клавишами рояля, выводя сложные пассажи.

– Думал, забыл соль.

От неожиданности я вздрогнула и отвела взгляд от его рук. Ну, конечно, какие еще могут быть глаза у совершенного существа мужского пола? Черные, глубокие, с пушистыми ресницами, они казались обманчиво мягкими. Интуитивно я чувствовала, что доброты в них столько же, сколько снега в пустыне Кара-Кум.

Мужчина смотрел на меня, не мигая, становилось все неудобнее. Я представила, что он сейчас видит, и захотелось немедленно умереть. Растрепанное пугало с карими невыразительными глазами и бледной кожей. Вообще-то, волосами своими я гордилась, когда выпрямляла их утюгом, и они блестели, как вороново крыло, спадая тяжелой массой на спину. Мне все завидовали, говорили, что такие густые и прямые волосы – редкость. Плюс ко всему, они были настолько насыщенно-черными, что не нуждались в окрашивании. Черные волосы и бледную кожу я унаследовала от матери. Это типичный признак национальности иудеев, к которым я и относилась. Тетя Вера всегда говорила, что я дочь своего народа, и должна гордиться такой внешностью. Я же считала свое лицо слишком бледным и регулярно пользовалась тональным кремом.

Но сейчас под рукой не нашлось даже расчески. Да еще и одежда на мне дурацкая! Я расстроено вздохнула – рядом с таким мужчиной нельзя быть дурно одетой, без макияжа и лохматой. В это момент я забыла, что нахожусь здесь по его же милости. Мысль, что я не соответствую ему, затмила все остальные.

– Переоденься, – вновь заговорил мужчина, кивнув на спортивную сумку возле себя. – Я прихватил твои вещи.

С удивлением рассматривала свою одежду: джинсы, свитер, кожаную куртку, когда вновь скрылась в доме. Он позаботился даже о носках и смене белья. Там же я нашла массажку и первым делом расчесала волосы.

Зачем все это? Почему я здесь, с ним, а не дома, продолжаю оплакивать любимого брата? Наверное, стоит задать ему все эти вопросы. Только, почему я испытываю непонятную робость. Это стеснение? Никогда раньше не страдала им в такой мере.

Одевалась быстро, чтобы не замерзнуть на осеннем утреннем холоде. В привычных и удобных вещах почувствовала себя более уверенной.

Что же происходит? Почему у меня такое чувство, будто смерть брата, мое горе остались в прошлой жизни? И кто этот красивый незнакомец?

Я вернулась к костру, все еще не чувствуя себя готовой задать накопившиеся вопросы.

– Мне нужно на работу, – рискнула заговорить я.

– Забудь об этом. Нет у тебя больше никакой работы.

Голос мужчины звучал равнодушно. Он наполнил пластиковую тарелку дымящейся кашей с тушенкой и протянул мне вместе с одноразовой ложкой.

– Как это, нет работы? – решила уточнить я.

Робость продолжала сковывать меня. Я ужасно его стеснялась.

– Ты больше не вернешься. Забудь о прежней жизни. Теперь ты будешь обитать в другом месте.

Он говорил так спокойно, что я даже не решила закатить истерику. Я попробовала кашу – вкусно. Мужчина отвинтил крышку термоса, наполнил ее дымящейся жидкостью и тоже протянул мне. Чай пришелся как нельзя кстати, я с удовольствием выпила его маленькими глотками, согревая руки о крышку-чашку.

– И где же я буду обитать?

Слова давались с трудом, будто я спрашивала о каких-то глупостях, не имеющих значения.

– Скоро узнаешь.

Исчерпывающий ответ, прерывающий всякие попытки продолжить беседу.

Мужчина складывал пакеты и пустые банки в целлофановый мешок. Туда же отправилась пустая тарелка из-под каши, которую я съела, надо отметить, с превеликим удовольствием. Наверное, сказалось трехдневное голодание. Он завязал пакет и положил в сумку. Надо же, какой аккуратный, не хочет загрязнять окружающую среду. Взяв ведро с водой, затушил костер. Потом отнес ведро и котелок в дом. К тому времени совсем рассвело, и я поняла, что за дом приняла грубо сколоченную избу с плоской крышей. Это даже не изба, а временка, эдакий охотничий домик.

Какой же он высокий и как грациозно двигается! Я снова залюбовалась незнакомцем. Не могла поверить, что мы в лесу, а не на светском приеме. Он не вписывался в окружающую обстановку.

Все время я сидела на бревне и следила за его движениями, догадываясь, как это глупо выглядит со стороны.

Удивительно! У него даже ботинки не запылились, пока он наводил порядок на поляне. Я сама себе поражалась. Первый раз внешность мужчины до такой степени меня заинтересовала. Так увлеклась, что забыла о собственном горе.

– Пойдем. – Он остановился передо мной и протянул руку, видимо, чтобы помочь встать с бревна.

– Куда?

Только тут я поняла, что он собирается вести меня куда-то против воли. Это напоминало похищение, только не совсем обычное. В роли похищенной я себя не чувствовала. Напротив, испытывала безотчетное желание следовать за ним хоть на край света. Однако что-то внутри меня противилось этому желанию, не позволяя протянуть руку.

– Ты последуешь за мной и будешь делать то, что я велю.

Глаза смотрели, не мигая, засасывая в черноту, голос доносился словно издалека. Протянула руку, не отдавая себе в этом отчета. Его лицо совсем близко. Запах парфюма, тонкий и экзотический. Его размеренное дыхание слегка обдавало лицо, охлаждая разгоряченные румянцем щеки. Глаза засасывали все сильнее, поработав волю.

– Следуй за мной, – услышала я и, как болванчик, кивнула. В голове ни единой мысли, кроме желания исполнять малейшую его прихоть.

Глава 3

Мы медленно брели по лесу. Люблю лес в начале октября, в багряном убранстве, пахнущий грибами и прелыми листьями, шуршащими под ногами. Но сейчас я этого не замечала. Видела только стройную высокую фигуру впереди и следовала за ним, сохраняя дистанцию. Мне казалось важным идти именно на таком расстоянии, словно приближение или удаление грозило катастрофой.

Не помню, сколько мы шли. Иногда мне казалось, что мы идем уже целый день, но, когда он внезапно остановился, подумалось, что мы прошли совсем маленькое расстояние.

– Тебе нужно передохнуть. – Он повернулся ко мне и указал на гору сухих листьев возле толстого ствола исполинской сосны.

Только тут я поняла, что ужасно устала и еле удерживаюсь на ногах. А как они гудели, когда я вытянула их, опустившись на импровизированное сидение. Он присел рядом, и я в который раз поразились, насколько нелепо он смотрится в лесу. В отличие от меня, у него даже дыхание не сбилось. Краем глаза наблюдала, как равномерно вздымается его грудь. Мое же лицо дышало жаром, лоб вспотел, волосы прилипли к щекам и лезли в глаза. В то время как его оставалось спокойным и безмятежным, волосы по-прежнему красивыми волнами обрамляли идеальный овал, будто этот тип только что вышел от парикмахера.

– Можешь говорить, – не поворачивая головы, произнес он, а я вдруг поняла, что сижу и беззастенчиво разглядываю его профиль.

А до того, как он разрешил, я не могла разговаривать? А ведь и правда, всю дорогу мы молчали. Не замечала раньше за собой такой задумчивости. Странно все это...

– Куда мы идем? – задала я первый, пришедший на ум, вопрос.

– Туда, где я живу.

– А где ты живешь?

– Скоро узнаешь.

– А как к тебе обращаться?

Он повернулся ко мне и какое-то время молча рассматривал. Под его взглядом я невольно захотела выглядеть хорошо. Руки сами потянулись к волосам и заправили их за уши.

– Можешь называть меня Филипп.

Вот как? Филя, Филя, Филиппок?.. Я усмехнулась. Ну и имечко! Первый раз заметила на его лице что-то типа недовольства. Видно реакция моя не понравилась, поэтому ненадолго нахмурил брови.

– И зачем я тебе понадобилась, Филипп? – спросила я, сделав ударение на его имени. Правда, получилось это ненамеренно.

– Всему свое время. Узнаешь...

– А сейчас, значит, нет, – удовлетворенно кивнула я. Заранее не рассчитывала получить ответ на этот вопрос.

– Ты меня гипнотизируешь, Филипп?

Он уже откровенно хмурился и буравил меня взглядом. А я ничего не могла с собой поделать, хотелось повторять его имя на все лады.

– Так проще избежать осложнений, – ответил он.

А осложнениями он называл, по всей видимости, мое нежелание идти с ним. Мог бы поинтересоваться для начала. Вдруг, я бы согласилась попутешествовать по доброй воле? Сама-то я знаю ответ на этот вопрос? Со смертью Витали что-то надломилось во мне. Не то, чтобы пропало желание жить. Только... жить так же, как при нем, не хотелось. Может так и надо, взять и поменять все одним махом? Не считая Раи, особо близких людей в моей жизни не

было, вернее не осталось. Рая... она, конечно, будет волноваться, если я не найду возможность дать ей восточку. А остальные... на остальных плевать.

– Надолго я ушла из дома? – Чуть не добавила «Филипп», вовремя прикусив язык.

– Навсегда.

– Как?.. – опешила я. – Навсегда-навсегда?

Он лишь кивнул и отвернулся, с неудовольствием разглядывая свежий срез на коре дерева, растущего рядом. Зрелище ему явно не нравилось, он сосредоточенно хмурил брови. Потом покопался в сумке, достал маленькую баночку, подошел к дереву, смазал срез каким-то средством из этой банки и перевязал собственным носовым платком. Я с удивлением наблюдала за ним. Скажите пожалуйста, какие мы чувствительные! Что это было: показательные выступления или приступ особой близости с природой?

– Отдохнула? – спросил он, когда закончил «лечить» дерево.

– Ну, так, не особо...

– Тогда, идем дальше, – он протянул руку, и мне ничего не оставалось, как подать ему свою.

Какая у него теплая и мягкая ладонь! Прикосновение было так приятно, что я невольно на мгновение закрыла глаза. Открыв, увидела его глаза, обволакивающие меня чернотой.

– Не надо, – попросила я. – Я и так пойду с тобой.

– Тогда, без фокусов и молча, – согласился он и выпустил мою руку. Оказывается, он до сих пор ее удерживал в своей. За ощущением комфорта я даже не заметила этого.

Филипп развернулся и уверенно пошел вперед, лавируя между деревьями и не оглядываясь назад. Он передвигался так быстро, что я едва поспевала за ним. В прошлый раз мы тоже так быстро шли? Неудивительно, как много времени мне потребовалось, чтобы прийти в себя.

Пару раз я готова была окликнуть его и попросить идти помедленнее, но вовремя вспомнила о приказе молчать. Зато, думать мне не запретили, чем я и занялась.

Я уже должна находиться на работе. Рая, наверное, оборвала телефон, пытаюсь до меня дозвониться. Представляю, как она переживает. Только тем себя и успокаивала, что от меня ничего не зависит. Попроси я Филиппа разрешить позвонить подруге и предупредить, что какое-то время буду отсутствовать, наверняка нарвусь на грубость или что-нибудь похуже. Мелькнула мысль убежать, но я ее тут же отбросила, посмотрев в спину идущего впереди мужчины. Он словно летел, а не шел. Я пыталась определить, касаются ли его ноги земли? Так увлеклась этим занятием, что не заметила большую кочку, споткнулась и полетела на землю. Локоть пронзила резкая боль, и, первый раз за последние несколько дней, из глаз брызнули слезы.

Филипп резко остановился и посмотрел в мою сторону, хоть я и не издала ни звука, молча глотая слезы и пытаюсь подняться. Он быстро подошел и поставил меня на ноги. Я вскрикнула от боли в руке, когда он задел ее.

– Поранилась? – спросил он, и я обрадовалась, что не различила в его голосе злобы. – Рука?

Я кивнула, боясь пошевелиться. Рука висела, как плеть, малейшее движение причиняло боль.

– Присядь, – он кивнул на сумку, что валялась рядом. Впопыхах он бросил ее прямо на землю. – Я осмотрю руку.

Филипп помог мне опуститься на сумку, стараясь, чтобы рука оставалась неподвижной. Аккуратно потянул за рукав куртки и откинул ее мне за спину.

– Сейчас может быть больно, потерпи, – предупредил, собираясь задрать рукав свитера.

Филипп очень аккуратно поднимал рукав, но в какой-то момент я все-таки вскрикнула от боли, и предательские слезы вновь заструились по щекам. Рука в районе локтя стремительно

опухала, прямо на глазах. Филипп легко ее удерживал и какое-то время внимательно рассматривал, а потом буднично произнес:

– Раздроблена локтевая кость.

От боли я плохо соображала, но поняла, что такая реакция на серьезную рану не может быть нормальной. Филипп, тем временем, обхватил мой локоть двумя руками и закрыл глаза. Я почувствовала, как руку, в том месте, где он удерживал ее, начинает обволакивать тепло. Боль отступала, зато, появились опасения, что он меня сейчас просто напросто сожжет. Когда я уже готова была закричать от практически нестерпимого жара, Филипп выпустил руку.

Я ошарашено уставилась на нее – даже намек на опухоль не осталось, и боль исчезла. Попыталась пошевелить сначала пальцами, а потом и всей рукой – действует, как обычно.

– Это волшебство такое? – не удержалась я от вопроса, разглядывая его серьезное лицо.

– Это ерунда, – отмахнулся он. – Пойдем уже, скоро стемнеет, нам пора прибыть на место. Ты только под ноги смотри лучше.

Получается, идем мы уже почти целый день? Ничего себе! Под каким же гипнозом нужно находиться, чтобы потерять счет времени? К недоумению добавилось чувство голода. Возможно, вспыхнуло оно так резко только потому, что я поняла, как долго мы уже в пути.

К тому моменту, когда Филипп остановился, я уже практически падала от усталости.

– Пришли.

Как ни приглядывалась, ничего даже отдаленно похожего на жилище я не заметила. Мы, по-прежнему, находились в лесу. Как понимать его «пришли»? Только собиралась пристать с расспросами, как застыла от удивления. Филипп проделывал что-то странное. Он вытянул руки вперед, ладонями вниз, и развел их в стороны, словно раздвигая воздух. Я обалдело уставилась на листья возле его ног – они с тихим шелестом разъехались, синхронно движению рук, открывая взору гладкую поверхность квадратной формы. Повинуясь любопытству, я подошла ближе. В этот момент люк начал открываться на манер лифта, только горизонтально. Взору открылась лестница, ведущая в узкую кабину – черную и блестящую.

– Спускайся, – скомандовал Филипп.

– А ты? – без него я ни за что туда не полезу.

– Я следом...

Господи! Что я делаю? Добровольно иду неизвестно куда и зачем. Видно, крышу мою окончательно снесло, раз даже не сопротивляюсь. Хотя, подозреваю, что это было бы бессмысленно. Так я думала, пока спускалась вниз, удерживаясь за перила. Сзади слышала шаги Филиппа. Странно, но его присутствие успокаивало, словно именно ему я вверила свою жизнь.

Как только мы оказались внизу, крышка люка закрылась, кабина засветилась желтоватым светом и стремительно понеслась вниз. От неожиданности я взвизгнула и вцепилась в Филиппа.

– Не бойся, это всего лишь лифт, – сказал он, пытаясь оторвать мои скрюченные пальцы от своего свитера. – Через минуту остановимся.

Плевать я хотела! Пока не приедем, не выпущу его свитер. Для пущей важности еще и уткнулась лбом ему в грудь.

– Отпускай уже, приехали...

Филипп, наконец, оторвал от себя мои руки и заглянул в глаза.

– Странная ты какая-то... В лесу не боялась, а обычного лифта испугалась.

– Ничего себе обычный! – я смотрела, как разъезжаются в стороны теперь уже вертикальные двери, открывая взору длинный черный коридор, окутанный довольно тусклым, но насыщенным желтым светом. – Куда ты меня привез?

– Я тут живу, – просто ответил Филипп. – Теперь это и твой дом.

Мы вышли из лифта и двинулись по коридору, конца которого я не видела. Я не понимала, что со мной происходит. С одной стороны, чувствовала, что боюсь, но еще сильнее обу-

ревало любопытство, что же это за место. Незаметно я притронулась к гладкой поверхности стены. Она оказалась теплой.

– Из чего сделаны стены? – не удержалась от вопроса.

– Это специальный пластик. Как ты уже поняла, колония находится под землей. Здесь нет электричества. Свет мы генерируем сами, – пояснил Филипп.

Колония? Интересно кого или чего? И зачем им я? Столько вопросов, которые я не готова задать. Откуда взялась эта робость? Неужели моя прежняя жизнь была настолько пуста, что я с радостью обменяю ее непонятно на что? Или она резко опустела со смертью Витали, и я ухватилась за возможность вычеркнуть все разом?

– Не вижу тут ни одной лампочки, – единственное, о чем рискнула спросить. Какое-то непонятное чувство тормозило задавать другие вопросы, словно ответы на них могли не понравиться до такой степени, что рисковали разрушить иллюзию перемен.

– А их и нет, – Филипп на мгновение повернул голову, и я увидела его красивое лицо. Неизвестно почему, мне стало так приятно, что захотелось петь. Начиная с сегодняшнего утра, я перестала себя узнавать. – Светятся сами панели. Я же говорил, это необычный свет.

– А что это за двери?

Вдоль всего длинного коридора с обеих сторон тянулись двери, такие же черные.

– Это квартиры колонистов, – ответил Филипп.

– А долго нам еще идти?

Я чувствовала, как ноги постепенно перестают мне подчиняться, все более заплетаясь, по мере углубления в бесконечный коридор.

– Пришли, – Филипп остановился у одной из дверей, без номера или таблички. Никакого замка я тоже не заметила.

Он слегка надавил, и дверь поддалась. У них тут нет замков? Я спросила об этом вслух.

– В этом нет необходимости. У нас нет тайн друг от друга.

Его ответ я услышала вполуха. Стояла и озиралась по сторонам. А посмотреть было на что... Никогда в жизни не видела таких длинных комнат! Я с трудом могла разглядеть кровать в ее глубине. В этой комнате было все и ничего одновременно. Душ, ванна, туалет – все не далеко от входа. Никаких дополнительных помещений для этого не предусматривалось. Несколько шкафов, стол, телевизор на стене, даже телефон. Последнему я обрадовалась, но Филипп моментально охладил мой пыл:

– Телефон только для внутренней связи. Домой с него ты не позвонишь.

Я старалась не подать виду, как расстроилась. Зачем, тогда мне он? Кому я тут буду звонить?

Не считая кровати, что маячила зеленым пятном, все остальное было черное, как и стены. Естественно, никаких окон я не заметила. Комнату заливал яркий желтый свет.

– Он что, все время горит?

– Свет? – уточнил Филипп. Я угрюмо кивнула, настроение стремительно несло вниз, и я не понимала, что так на меня действует. – Он автоматически включается, когда открывается дверь. Его можно приглушить, – Филипп хлопнул единожды в ладоши, и свет перестал раздражать меня яркостью. – Можно вообще потушить, – он дважды хлопнул, и мы погрузились в темноту.

Но, что это? Я резко перестала соображать, когда различила две светящиеся точки, в том месте пространства, где предположительно должны были находиться его глаза. Услышала хлопок и зажмурилась от яркого света.

– Что с твоими глазами? – все еще наполовину ослепшая спросила я.

– Наше зрение устроено иначе, мы видим в темноте. Поэтому глаза светятся. Привыкнешь, – равнодушно пояснил он.

– Как кошки? – Сознание ворочалось в голове с трудом, как будто ему вдруг стало тесно. – Привыкну к чему? Зачем я тут?

Какое-то время Филипп молчал, сосредоточенно меня разглядывая. Выражение его лица для меня тоже оставалось загадкой. Ни один мускул не был напряжен, что говорило об абсолютном спокойствии. Но в глубине его черных глаз угадывалось чувство, похожее на жалость.

– Узнаешь, когда придет время, – наконец произнес он.

– А когда оно придет?

Я была близка к истерике. В какой-то момент поняла, что не для чего хорошего меня не стали бы похищать из дома и водружать под землю.

– Успокойся, Фаина! – я вздрогнула от собственного имени, произнесенного его низким голосом. – Я тебе все расскажу, но не раньше, чем ты обвыкнешься и начнешь работать.

Работать?! Так вот зачем я им нужна?

– Я попала в рабство? – не спросила, а потребовала я.

– Мы не держим рабов. Но... работать обязаны все.

Он издевается?! Так спокойно об этом говорить! А меня спросить не нужно? С какой стати я должна на них работать?

– У тебя нет выбора, – еще более равнодушно ответил он. Но в голосе его я различила угрозу. – Ты нужна нам, и твое желание не учитывается. Спокойной ночи. Чтобы принять ванну, нажмешь на эту кнопку.

Филипп вышел за дверь, оставив меня в состоянии близком к столбнячному. Опомившись, я бросилась к двери. Можно же попытаться удрать! Дорогу назад, в лес, я помню, иди себе по коридору, а из леса как-нибудь выберусь. Я толкнула дверь и моментально разрыдалась, потому что она оказалась запертой. Каким-то непостижимым образом Филиппу удалось ее заблокировать без замка.

Жалость к себе и загубленной жизни переполняла и выливалась слезами. Я рыдала, сидя на полу возле двери, пока не поняла, что толку от этого никакого, никто не поспешит мне на помощь. Значит, нужно выкручиваться самой. Но сначала стоит подумать и осмотреться.

Я подошла к ванне. Какую тут он кнопку мне показывал? Кнопка имелась одна, рядом со сливным отверстием, которое оказалось и наливным тоже. В этом я убедилась, когда нажала ее, и ванна стала наполняться зеленой жидкостью с непонятным терпким запахом. Я с удивлением смотрела, как растет уровень воды, и думала, смогу ли залезть внутрь? Не позеленею ли я после такой ванны?

Потрогала воду рукой и убедилась, что она в меру горячая. А как они поступают, если нужна холодная вода. И как быть, если я захочу пить? Я оглянулась и с удовлетворением отметила, что на столе стоит графин, наполненный обычной водой, по крайней мере, с виду.

Нус, попробуем... Я скинула одежду прямо на пол, подальше от ванны. Присела на краешек и зачерпнула воду рукой. Такая мягкая, что кажется мыльной. Аккуратно опустила ноги в воду, по телу заструилось приятное тепло. Не выдержала, погрузилась полностью в зеленую жидкость, когда убедилась, что следов на теле она не оставляет, и я не позеленею после такого купания. Двигаться не хотелось, и я просто позволила себе расслабиться и хоть какое-то время ни о чем не думать. Странно, но вода не остывала, хоть я и достаточно долго пролежала в ней. А, может, это и не вода вовсе, а какой-нибудь специальный химический состав? Нужно будет завтра спросить об этом Филиппа. Внезапно в голову пришла мысль, а увижу ли я его завтра? Что если не увижу его больше никогда? Почувствовала, как внутри растет тоска. Я хотела увидеть Филиппа снова.

Когда поняла, что глаза непроизвольно закрываются, и я рискую уснуть прямо в ванне, заставила себя покинуть теплый водоем. На черной вешалке висело зеленое полотенце, в которое я и закуталась. Голод заявлял о себе все сильнее, настырно теребя желудок. Но кормить меня, по всей видимости, сегодня не собирались. Отпив воды прямо из графина за неиме-

нием стаканов, я решила отправиться спать, положившись на утро, как начало нового дня. Сил дальше исследовать комнату не осталось.

Глава 4

Мне снится сон. Я в этом уверена. Я иду по очень светлому коридору, такому светлому, что ничего не видно. Свет слепит. Коридор выводит меня в огромную круглую комнату, где сидят какие-то люди, кто на полу, кто на лавках вдоль стен. Людей так много, что в первый момент я теряюсь, не знаю, куда смотреть. Все тихо переговариваются между собой и чего-то ждут. Атмосфера ожидания висит в воздухе, я ощущаю ее физически.

На меня никто не смотрит. Через какое-то время понимаю, что меня не видят. Взгляды отстраненно скользят мимо. Зато я вижу себя прекрасно, вернее, я вижу свои руки, ноги... Что за зеленый балахон на мне с широкими рукавами и длинным подолом? Похоже на кимоно – на запахе, с широким поясом.

Ноги сами ведут меня к одной из дверей. Взгляды собравшихся в комнате устремлены именно на нее. Я открываю дверь и вижу Виталию с виновато опущенной головой. Хочу крикнуть, как рада ему, и не могу – голосовые связки парализованы, из горла не вырывается ни звука.

– Ты не должен был покидать мир так рано!

Кто это говорит? Кроме брата я никого не вижу в комнате. Но голос слышен отчетливо и говорит он сурово.

– Мы накажем тебя за срыв предназначения. Ты должен был еще жить, чтобы исполнить свою цель. Из-за твоей глупости рвется цепочка, меняется целый ряд событий. И нам все это разгребать и приводить в порядок. Но хуже всего твоей сестре. Ей предстоит выполнение твоего и своего предназначения.

Да как же так? Что же он такое говорит?! Виталия ни в чем не виноват! Как можно быть виноватым в собственной смерти, если ты не самоубийца?

Хочу закричать, чтобы Виталия услышал, понял, как я рада видеть его и ни в чем не обвиняю. Как рыба на суше открываю рот и чувствую, что воздуха постепенно становится все меньше. Хватаюсь за горло, дышать уже практически нечем.

Виноват... Виноват... Виноват... Эта мысль пульсирует в висках, а я теряю способность видеть. Виталия, помоги! – хочется крикнуть, но я только выталкиваю остатки воздуха из легких.

Картинка исчезает, меня окутывает холодный и липкий туман. И тут я начинаю кричать...

Первый раз в жизни я проснулась от собственного крика. Вся мокрая лежала на кровати. Куда подевалось одеяло? И почему темно в комнате? Помню, что не выключала свет, когда ложилась спать. Я его намеренно оставила гореть из-за какого-то суеверного страха. Странно, что я сразу же сообразила, где нахожусь, еще даже не проснувшись до конца. И тут я увидела их – две светящиеся точки.

– Филипп?

Я села на кровати и нащупала одеяло в ногах, затем натянула его на себя. Хорошо хоть вчера догадалась надеть сорочку, такую же зеленую, как все тут.

– Филипп, почему молчишь?

Я не могла определить, на каком расстоянии от меня находятся глаза. Рядом он или далеко? И почему молчит?

А потом все пропало. Я не слышала, как закрылась дверь, не видела, как он передвигался по комнате.

Я хлопнула в ладоши и моментально ослепла. Потом еще хлопнула дважды и только после этого открыла глаза. В комнате никого не было, о чем я догадалась раньше. Что понадобилось Филиппу от меня ночью? И к чему эта таинственность?

Но что это? Кажется мне или я действительно слышу, как кто-то зовет меня?

– Фаина... Фаина...

По-моему, голос доносится из коридора и очень похоже, что зовет Филипп.

Я встала с кровати и прокралась к выходу из комнаты, стараясь не издать ни звука. Попробовала открыть дверь, и та легко поддалась. Вот тебе на! Как же так? А раньше была заперта.

В коридоре оказалось совершенно темно. Дверь я оставила приоткрытой, чтобы не заблудиться на обратном пути.

– Фаина... – донеслось до меня опять, что заставило прибавить шаг.

Тишина и темнота казались зловещими. Немного света проникало из моей комнаты, но и он быстро рассеивался по мере удаления.

– Фаина!

Я вдруг остановилась, как вкопанная. Теперь точно позвал Филипп, и голос его прозвучал у меня за спиной, а совсем не с той стороны, куда я направлялась. Я резко повернулась. Он стоял возле моей двери.

– Что ты здесь делаешь? – требовательно спросил он.

– Иду... Мне показалось, что ты звал меня.

Я окончательно перестала что-либо соображать. Не привидение же меня призывало? Я отчетливо слышала его голос.

– Я тебя не звал. Просто решил проверить все ли у тебя в порядке?

– Но... голос был похож на твой.

Мне вдруг стало так страшно, что я рванула обратно и через секунду остановилась рядом с Филиппом, тяжело дыша. Он подтолкнул меня в комнату и вошел следом.

– У нас запрещено ходить по ночам за пределами квартир.

– А как же ты? – машинально спросила я, а сама заметила, что ванна пуста, вода каким-то образом испарилась, не оставив следов. Раньше я не обратила на это внимания.

– Мне можно, – коротко ответил он.

– А, ты на особом положении? – съехидничала я, думая о другом. Голос мне не мерещился, уверена. И если это был не Филипп, тогда кто?

– Как ты устроилась? – перевел он разговор на другую тему.

– Нормально, – пожала плечами. К чему задавать такие вопросы, если меня похитили из собственного дома. Не все равно им, как я тут устроилась? – Очень есть хочется, – пожаловалась я, вновь ощутив приступ голода. Может он и виноват, что мне приснился такой странный и страшный сон. Говорят, на голодный желудок снятся кошмары, как и на сытый, впрочем.

– Прости, я виноват. Совершенно не подумал об этом вечером, – Филипп порылся в кармане и достал две таблетки, упакованные каждая в маленький пластиковый мешочек. – Вот, возьми. Это поможет не хотеть есть до утра.

– Вы этим питаетесь? – с подозрением рассматривала таблетки.

– Не совсем... Питаемся мы нормально, только пища наша немного отличается от вашей. Сама все узнаешь потом. А это... что-то типа витаминов.

Я положила одну таблетку в рот. Какая-то она безвкусная, как прессованная целлюлоза. Может, и принцип действия у нее такой же? Разбухает, заполняет желудок и тью-тью чувство голода. Я все-таки проглотила ее, запив водой, а потом и вторая отправилась туда же.

Подмывало рассказать Филиппу сон, но останавливала стеснительность. Зачем ему мои кошмары? Кому они интересны?

– Мне приснился кошмар, вот и проснулась, – ограничилась я.

– Ложись, помогу тебе уснуть.

Прозвучало это двусмысленно, или мои фантазии стали неприличными, когда осознала, что стою перед ним в одной коротенькой сорочке без нижнего белья? Я почувствовала, что краснею, и резко отвернулась. Забралась в кровать и до подбородка натянула одеяло. Филипп присел рядом.

– Закрой глаза, – скомандовал он.

Я подчинилась. Глаза жгло, как при высокой температуре. На лоб опустилось что-то прохладное. Я поняла, что это рука Филиппа. Его пальцы немного подрагивали, не прижимаясь сильно. Он едва касался моей кожи. Голова слегка закружилась, а веки начали наливаться свинцом. Так захотелось спать, что не осталось сил на благодарность. Уже засыпая, я услышала хлопок и поняла, что он потушил свет.

Непривычно просыпаться утром в темноте. Особенно, если находишься в полной уверенности, что спишь в своей постели.

В первый момент я не могла сообразить, что вообще происходит, пока в памяти не восстановилась цепочка недавних событий. Центральное место в ней занимал Филипп. Неизвестно почему, мысли о нем согревали, настраивали на позитив. Все же остальное, чего я не понимала, сколько не думала, пугало неизвестностью.

На этот раз я решила принять душ и долго искала кнопку, чтобы пустить воду. Еще поняла, что нигде нет мыла. Его, видно, тоже забыли положить, как и стаканы. Пока была занята поисками, случайно встала под душ – вода радостно полилась и окатила меня с головой и прямо в сорочке. Хорошее начало неизвестно какого дня.

Меня настораживало собственное отношение к ситуации. Почему не паникую? Отчего воспринимаю происходящее, как норму? Точно знаю, что нахожусь в адеквате, не считая того отрезка времени в пути, когда Филипп меня загипнотизировал. Пора бы уже начать истерировать и требовать, чтобы меня выпустили на волю. Не в Филиппе ли причина?

Так получилось, что к двадцати четырем годам более или менее серьезные отношения с мужчинами у меня не складывались. Конечно, я влюблялась и не раз. Бывали даже случаи, когда мне отвечали взаимностью. Но все это длилось недолго, отношения прерывались, не успев толком завязаться. Филипп же с самого начала произвел не меня сильное впечатление. Что-то было в нем необычное, даже если не брать в расчет, что таких красивых мужчин я раньше не встречала. Меня к нему тянуло, сама не знаю почему. Хотелось выяснить, кто же он.

Размышляя, я открыла створки платяного предположительно шкафа и первое, что увидела, – то самое «кимоно» из моего сна. Причем больше из одежды ничего не было, то есть выбора мне не оставили, так и пришлось облачиться в зеленый халат. Я даже не могла посмотреть на себя – в комнате не было ни одного зеркала. В голове засела дурацкая загадка: «Без окон и без дверей, полна горница людей».

Я не знала ни сколько сейчас времени, ни какая на улице погода... Что делать дальше, я тоже не представляла. Кругом стояла тишина, как будто я осталась одна во всей вселенной. Такой меня и застал Филипп – сидящей на кровати со сложенными на коленях руками, разглядывающей идеально ровную поверхность стены.

Возможно, у них так принято – врываться без стука. Но я разозлилась, когда Филипп, как ни в чем не бывало, вошел в комнату. А если бы в этот момент я принимала душ? Как, он считает, я бы себя чувствовала?

– Мог бы постучаться, – буркнула я и отвернулась, чтобы не попасть под власть его красоты. Он сменил брюки и джемпер на другие, но неизменно черные, как успела подметить.

– Не нужно стесняться того, что естественно.

– Неужели?

Он издевается или является анонимным членом общества нудистов? Тогда почему сам не разгуливает голышом, раз это так естественно?

– Вижу, ты готова. Пойдем... – Филипп застыл возле двери и напоминал сейчас античного бога – строгого и величественного.

– И куда мы идем? – сварливо поинтересовалась я, когда мы вышли в по-прежнему пустой и тускло освещенный коридор.

– Для начала нужно позавтракать. Потом тебя ознакомят с участком работы, а потом... сама узнаешь.

Как обычно, недомолвки, тайны. Это уже начинало раздражать. Почему бы сразу не посвятить меня во все тонкости моей ответственной миссии? Что изменится? Сбежать же все равно не смогу.

В коридоре по-прежнему было пустынно.

– Тут вообще бывают люди?

Хотелось вредничать, грубить. Я думала о своей работе, где не появляюсь уже второй день. Наверное, скоро меня начнут искать, если уже не начали. Представляю, как паникует Раиса. Жалко ее, поди весь город оббегала. Хотя, вряд ли... Она прекрасно знает, что я могу находиться либо дома, либо на работе, в крайнем случае у нее. Знакомых у меня много, но не таких, у которых можно погостить несколько дней. Да и Раиса не может не понимать, что ее я предупредила бы в любом случае о своих перемещениях.

На душе стало гадко. Именно это определение лучше всего подходило для моего настроения. Филипп молча шел рядом, и я в который раз подивилась длине коридора и тишине, царившей повсюду.

– Ответить не хочешь? – съехидничала я, когда поняла, что мой предыдущий вопрос повис в воздухе.

– Все уже работают. Здесь день начинается рано, – не глядя на меня, ответил Филипп. Невольно пришла в голову мысль – он когда-нибудь улыбается? Или улыбаться тут запрещено? – С завтрашнего дня ты тоже будешь соблюдать режим.

– Как раб на плантации? – едва слышно пробурчала я.

– Что? – Филипп повернулся ко мне. По его лицу было заметно, что он погружен в мысли, и мои слова через одно достигают цели.

– Ничего особенного. Это я так...

Наконец, коридор закончился, вернее вывел нас в круглую огромную комнату, такую же черную и со множеством дверей. Потолок удерживали несколько десятков колонн.

– Ничего себе!

Никогда не видела таких площадей в помещении. В центре комнаты возвышался пьедестал с чем-то по виду напоминающим кафедры, расположенные по кругу.

– Это церемониальный зал, – коротко пояснил Филипп, сворачивая в сторону. – Здесь мы проводим общие собрания.

Он открыл одну из дверей, и мы очутились в менее просторной, но все-таки достаточно большой комнате, заставленной столами. Кафе или столовая, промелькнула мысль. И тут все черное, даже посуда, которую я разглядела на одном из столов, к которому и направился Филипп.

Как по команде, стоило нам сесть за стол, в зале появился молодой парень с объемным подносом в руках. Пока он расставлял тарелки, я рассматривала его с нескрываемым интересом. Высокий, красивый и смуглый. У них тут все что ли такие? Парень не был похож на Филиппа в прямом смысле слова. Более худощавый, даже какой-то хрупкий, с тонкими, почти детскими, чертами лица и прямыми волосами, гладко зачесанными и собранными в хвост. С другой стороны, он был словно братом Филиппа. Черные волосы и глаза, смуглая кожа и такая же пронзительная красота. Только одеты они были совершенно по-разному. В отличие от дорожной одежды Филиппа, на парне был надет костюм такого же зеленого цвета, как мой халат, и,

судя по виду, сшитый из той же ткани. Смотрелся он на нем мешком и сильно смахивал на спецодежду. Я спросила Филиппа, в чем причина такой разницы?

– Цвет и вид одежды характеризует принадлежность к определенному слою социальной лестницы. Он, – Филипп кивнул в сторону удаляющегося парнишки, – находится на самой низшей ступени.

– А я, тоже? – от такого заявления я даже забыла, как сильно проголодалась.

– Для женщин существует всего одна ступень, – спокойно пояснил Филипп, принимаясь есть вкусно пахнущее овощное рагу.

– Самая низшая?! – я потрясенно уставилась на него. Вот это дискриминация. Да они дикари какие-то, варвары! Куда же я попала? Теперь мысль о рабстве не казалась мне уже смешной.

– Единственная! – Филипп серьезно посмотрел на меня. – Ешь, у нас не так много времени.

Я придвинула к себе тарелку с салатом, машинально отмечая, что приготовлен он очень вкусно. Несмотря на грустные мысли, с едой я расправилась моментально. Овощное рагу было сдобрено тушенкой. Я не удержалась от вопроса, хоть и дала себе слово больше ничего не спрашивать от обиды за нас – женщин:

– И тут тушенка?

– Мясо мы употребляем только в таком виде и очень мало.

– А почему?

– Такие порядки, привыкай.

Мне захотелось крикнуть: «Привыкать к чему?» С какой стати я должна подстраиваться под их обычаи, режим? Почему вообще они меня принуждают здесь жить и работать? Но вслух я ничего не спросила по той просто причине, что по выражению лица Филиппа поняла, отвечать он мне не станет.

Из столовой мы переместились к другой двери, которая оказалась входом в лифт. Опять стремительный полет вниз, только я уже не рискнула прикасаться к Филиппу, просто зажмурила глаза от страха. Возможно, рассказ о разнице в положениях заставлял меня так себя вести. А может, поведение Филиппа всячески намекало, что мы находимся в разных сословиях. Только я чувствовала, как между нами разрастается пропасть. И осознание этого не улучшало мое и без того отвратительное настроение.

Лифт доставил нас в небольшую комнату, отделанную грубым необработанным камнем. Здесь было мрачно и сыро. Низший уровень, догадалась я. Из комнаты вела всего одна дверь. Вдруг стало страшно, что ожидает меня за этой дверью?

В первый момент, переступив порог комнаты, я ничего не поняла. Какие-то существа в зеленых бесформенных халатах попадали ниц и прижались лбами к полу. В тусклом свете я разглядела много человеческих спин и черных спутанных волос. В комнате находилось еще много предметов: тележек, каких-то емкостей, полных и пустых. В одном из углов высились три кучи одежды, отсортированные по цвету, как я поняла. Черную я уже видела, зеленую – тоже, а вот вид белой одежды стал для меня диковинкой.

– Встаньте! – властно произнес Филипп, и голос его глухо прокатился под низкими сводами подвала, как я обозвала этот уровень.

Существа повставали и врассыпную бросились кто куда. Сколько же их тут? Несколько десятков? Сотня? Глаза разбегались, я не знала, куда смотреть. Тусклый свет мешал рассмотреть лица. Я видела лишь сгорбленные фигуры в неряшливых, местами подранных одеждах.

– Ивана! – вновь прозвучал голос Филиппа.

– Да, мой господин.

Я вздрогнула от неожиданности, когда рядом появилась женщина. Но что это была за женщина?! С землистого цвета лица, испещренного рытвинами, как после оспы, затравлено

смотрели на Филиппа воспаленные черные глаза. Она едва доходила мне до плеча, хоть я и сама не отличалась высоким ростом. Потом я поняла, что причиной низкорослости послужил огромный горб на спине женщины. Даже примерно невозможно было предположить, сколько ей лет. Промежуток варьировал между пятьюдесятью и ста годами.

– Это Фаина, – представил он меня Иване, как королевской особе. – Она теперь будет жить и работать в колонии. Дай ей задание и объясни тут все... – сказав это, Филипп вышел за дверь. Мне же показалось, что с его уходом закончилась моя нормальная жизнь.

– Пойдем, – прошепелявила Ивана, а я только тут заметила, что во рту у нее не хватает по меньшей мере половины зубов.

Я следовала за горбуньей и ловила на себе любопытные и такие же воспаленные, как у Иваны, взгляды. Как успела понять, работали здесь одни женщины. Почти все они были такие же страшные, как Ивана. У многих за спиной проглядывался горб. Уродливые, изможденные с большими грубыми руками они выглядели, кто из-за чего, и пялились на меня, кто с любопытством, кто злобно... были и такие, что не смотрели вовсе, занимаясь работой.

– Вот, – остановилась Ивана и ткнула пальцем в какую-то кучу. – Будешь работать тут.

– А что это?

– Это твой участок работы, белоручка.

Откуда столько злости? Я с удивлением смотрела на Ивану. Что я сделала такого, за что можно возненавидеть с первого взгляда?

Возле огромной кучи непонятно чего сидели еще несколько женщин и что-то мастерили руками, периодически доставая из кучи какую-то деталь и куда-то ее прикручивая.

– Смотри, как делают они, – Ивана пренебрежительно кивнула на женщин. – Учись быстро, иначе не выполнишь план и будешь наказана.

Я поняла, что в этом огромном подвале Ивана главная. Она командовала запуганными и забитыми созданиями, которых с трудом можно назвать женщинами.

Я присела возле кучи и посмотрела на сидящую справа женщину. К моей радости она не была такой страшной, как остальные. Ее довольно молодое и приятное лицо еще не успело приобрести землистый оттенок, хоть на нем уже и проступала бледность. Черные волосы были аккуратно заплетены в длинную косу. И халат выглядел довольно прилично.

– Привет, – попыталась заговорить я. – Меня зовут Фаина, а тебя?

Она бросила на меня быстрый взгляд и снова уткнулась в пол, проворно работая пальцами. Поскольку ответом мне служило молчание, я снова спросила:

– Объяснишь, что нужно делать?

– Смотри, – тихо произнесла она, – берешь вот эту трубочку, обматываешь ленточкой и вставляешь вот в эту трубочку, – все, что рассказывала, она показывала на деле. Так ловко у нее получалось, что я залюбовалась. Еще мне понравились ее руки, с тонкими длинными пальцами. – ... А потом привинчиваешь крышечки с обоих концов. – Она протянула мне готовое изделие, назначение которого оставалось для меня загадкой.

Я вертела в руках длинную тонкую трубочку, не зная, что с ней делать.

– Таких трубочек за день ты должна сделать двести, иначе... выпишут штраф. Три штрафа – и наказание...

– Какое? – так же тихо спросила я, потому что голос девушки к концу фразы превратился в шепот.

– Не знаю, – потрясла головой она. – Светлана меня зовут, – и снова принялась крутить палочки.

Я догадалась, что палочки нужно складывать в коробку, что стояли возле каждой женщины. Остальные не обращали на нас со Светланой внимания, безостановочно работая пальцами. Я оглянулась и поймала на себе суровый взгляд Иваны. Вот злыдня! Так и будет следить за мной?

– А что это? – все-таки рискнула опять спросить у Светланы, кивая на коробку с трубочками.

– Коктейльные палочки, – быстро ответила она. – Ими пользуется верхушка.

Вот как? Я должна накрутить двести палочек для коктейлей? Боже мой, куда я попала?

К тому времени, как Ивана стала выгонять всех на обед, я не чувствовала кончиков пальцев. Спина жутко болела от того, что руки приходилось постоянно держать на весу. Долго на корточках просидеть не смогла и вынуждена была опуститься на холодный каменный пол, от этого и неподвижности ужасно замерзла.

Обеденная комната была смежной с той, в которой мы работали. Готовили там же. Длинный стол уже накрыли, женщины суетливо рассаживались за ним на длинных лавках, а я пребывала в каком-то ступоре, плохо соображая.

– Пойдем, – Светлана взяла меня за руку и повела к столу. – Первый день всегда тяжело.

– А потом? – тупо спросила я.

– Потом тоже тяжело, но привыкаешь, – улыбнулась она, отчего лицо ее стало красивым. Огромные глаза засверкали, на щеках заиграли ямочки. Я залюбовалась ею, а она торопливо начала хлебать остывший суп, откусывая маленькие кусочки от ломтика хлеба. – Ешь, а то не успеешь, – не глядя на меня, проговорила она, не переставая работать ложкой.

Сколько же тут времени отводилось на обед? Доесть то, что с трудом можно было назвать супом, такой он был водянистый, я не успела. Ивана вновь погнала всех работать. Делала она это грубо. Дай ей плеть, так она начнет хлестать нас.

В этом подвале делали все: и стирали, и сушили, и гладили... Группа женщин занималась пошивом одежды. Тут же заготавливали мясо впрок. На это я не могла смотреть, как женщины разделявали туши животных и варили мясо в огромных котлах. Кости отдавали в столовую. Видимо из них нам и готовили еду.

Группа женщин занималась странной работой. Они таскали ведрами воду и переливали ее в большие емкости. А перед этим ждали, когда ведра наполняться сочащейся из щелей в стене водой. Что за странный способ добывать воду?

– А почему так? – спросила я у Светланы, наблюдая за женщинами.

– Что? – не поняла она.

– Что они делают?

– Как что? – она ошарашено уставилась на меня. – Пополняют запасы питьевой воды.

А у вас не так?

– Где у нас? – теперь уже я смотрела на нее, не понимая.

– Ну, в твоей колонии? Ты же не местная...

Значит, эта колония не единственная? Сколько же их?

– А тебя за что сюда сослали? – тихо спросила Светлана, пока Ивана отвлеклась.

– Ни за что, – так же тихо ответила я.

– Как?! Не может быть! Просто так что ли? – она от удивления на время потеряла бдительность и заговорила громче.

– Разговорчики! – прикрикнула Ивана, слава Богу, не разобравшись, кто это сказал.

– Так не бывает, – наклонилась ко мне ближе Светлана. – Такие, как мы, сюда не попадают просто так.

– Какие такие? – я ничего не понимала.

– Ну, красивые! Посмотри вокруг... Они же все уродины!

– И что?..

– А разве у вас не такие порядки? В нашей колонии такими работами занимаются те, что не пригодны к нормальной.

– А какая считается нормальной?

– Ты не знаешь? – Светлана выглядела испуганной.

– Не знаю, что?

Больше она не сказала ни слова, даже смотреть на меня перестала. Что-то сильно ее испугало. Возможно, догадалась, что я не из какой ни колонии. Пару раз я пыталась с ней заговорить, но она упорно отмалчивалась.

К вечеру я так устала и замерзла, что окончательно перестала соображать. Как по партиям поднимались в лифте и разбредались по комнатам, не помню. Правда, автоматически зафиксировала, что комната Светланы находится рядом с моей. Сил хватило добраться до кровати, куда я и повалилась, моментально уснув.

Глава 5

– Фаина, Фаина... – чья-то рука коснулась моего плеча. Я откинула ее, как досадную помеху, вторгающуюся в мой сон. – Вставай, Фаина.

Сквозь остатки сна я понимала, что меня пытаются разбудить. Я силилась открыть глаза и не могла, веки словно свинцом налились. На лоб легло что-то прохладное, и в голове постепенно начало светлеть. Я смогла разлепить веки и увидела Филиппа, склонившегося надо мной.

– Что, уже утро? – спросила я.

– Нет, вечер. Тебе нужно поесть, а потом... есть еще дела.

Я села в кровати, просыпаясь окончательно. На столе стоял поднос с едой. Увидев мой взгляд, Филипп пояснил:

– Я распорядился принести ужин сюда, когда понял, что ты не в состоянии идти в столовую. Поешь, помойся. Я вернусь за тобой.

– И куда мы пойдем?

Почему мне так страшно? Внутренности замирали от предчувствия чего-то плохого. Что еще они хотят заставить меня делать?

С трудом я переместилась к столу. Тело ломило со страшной силой. Я старалась не стонать, находясь под пристальным вниманием Филиппа. Взяв ложку, вскрикнула от неожиданности и выронила ее. Пальцы прожгла сильная боль.

– Где болит? – Филипп взял мою руку. От его прикосновения по телу пробежала приятная дрожь, сердце учащенно забилося в груди, а на глазах неожиданно выступили слезы. – Пальцы?

Я кивнула, стараясь, чтобы он не заметил моих слез. Откуда они только взялись? Точно не от боли. Боль в пальцах я могла и потерпеть. А вот что делалось с моим сердцем, не знала. Никогда раньше не реагировала так на мужчину. Достаточно было одного прикосновения Филиппа, чтобы в ногах появилась слабость, а в душе трепет.

Филипп обхватил мои пальцы обеими руками и сосредоточился. Я почувствовала тепло, но еще сильнее возбуждение. Через минуту он тоже самое проделал с другой рукой. От боли не осталось и следа. Поле чудесного исцеления локтя в лесу я уже не удивлялась его способности.

– Прошло? – уточнил Филипп, когда я снова принялась за еду, чтобы только не смотреть на него.

– Угу, – кивнула, набивая полный рот и не понимая, что именно я ем.

Филипп ушел, а я постаралась поскорее справиться с ужином, хоть от волнения и не было аппетита. Потом наполнила ванну и забралась в приятную жидкость. Долго нежиться себе не позволила, опасаясь чьего-нибудь вторжения. Еще не хватало, чтобы Филипп увидел меня голышом.

Ванна немного притупила боль в мышцах, в движениях появилась легкость. Я быстро облачилась в чистый халат, который нашла в шкафу. Видно кто-то его повесил туда, пока я была на работе. От воспоминаний мне поплохело, и я подумала, смогу ли и завтра заниматься этой изматывающей монотонщиной? Вспомнился разговор со Светланой. Что она хотела сказать? За что у них женщин отправляют в подвалы? И какую такую обычную работу она имеет в виду? Нужно будет поговорить с ней серьезно, решила я.

Странно, но я поймала себя на мысли, что начинаю забывать прежнюю жизнь. Воспоминания посещали все реже и превратились во что-то туманное, ненастоящее. Видно, атмосфера этого места так действовала на меня.

Снова захотелось спать, и я поняла, что уже достаточно поздно. Срабатывают биологические часы. Когда я уже готова была отправиться в постель, вернулся Филипп.

Какое же это унылое место! Здесь тихо, как в могиле. Не очень удачное сравнение в свете недавних событий. Я тайком усмехнулась, чтобы не привлекать внимания Филиппа,

пока мы передвигались по бесконечным коридорам, проходили через какие-то комнаты преимущественно пустые или заставленные какими-то ящиками. Здесь ничем не пахнет, как на поверхности, где постоянно улавливаешь различные запахи. Вернее, здесь присутствует один единственный запах стерильности, как в больнице, что совершенно не сочетается с царящим повсюду черным цветом и одинаковым желтым светом. Странное сочетание, нереальное.

Я соскучилась по людным улицам, щебету птиц, цокоту каблучков по тротуару, шуму дождя за окном. Окно... Боже мой, как же мне не хватает окон! Хоть бы разок выглянуть в одно из них и вдохнуть воздуха, пропитанного выхлопными газами. Точно, могила! А может, я умерла и попала в загробный мир? Но разве он может быть таким? Везде же говорится, что там лучше, чем в жизни. А тут... Все эти уродливые женщины и красивые мужчины (пару таких попалось нам на встречу, одетых в одинаковые зеленые костюмы, опускающих головы при виде Филиппа, лица которых я, хоть и мельком, но успевала рассмотреть). Кроме Светланы я не встретила ни одной более или менее симпатичной женщины. Вспомнились слова Светланы, что хорошенькие заняты другой работой. Какая такая работа, что их не видно нигде?

Размышления прервал Филипп, когда мы остановились у одной из дверей. Он повернулся ко мне и не очень уверенно заговорил:

– Фаина, сейчас тебе предстоит пройти небольшое обследование... – мне не понравилось выражение его лица – какое-то настороженное. О чем он пытается предупредить? К чему такому подготовить? – Это наш научный центр, здесь круглосуточно трудятся наши сотрудники. Они совершенствуют... впрочем, неважно, вряд ли ты это поймешь, – он опять замялся и немного виновато взглянул на меня. Я все больше начинала паниковать. Такое вступление мне было не по душе. – В общем, хотел тебя попросить вести себя спокойно, чтобы избежать ненужных последствий.

– Последствий? А они могут быть? – паника уже всю клокотала внутри меня, сотрясая конечности.

– Понимаешь, здесь очень строгие правила, которые никто не вправе нарушать. У тебя уже есть одно предупреждение за невыполнение плана. За три таких предупреждения последует наказание, а я... просто делай, что тебе будут говорить.

– А ты со мной пойдешь? – голос мой сел от страха, и я закашлялась.

– Нет. И для тебя так лучше.

Филипп распахнул дверь, и в первый момент я остолбенела от удивления. Небольшая комната была совершенно белая. Она мне напомнила приемную в больнице. Тут даже пахло медикаментами, а вдоль стен тянулись белые лавочки. В больницах на таких сидят ожидающие своей очереди. Эти же пустовали, но что-то мне подсказывало, что служили они для тех же целей.

– Тебе сюда, – Филипп подвел меня к одной из шести дверей. – Я подожду тебя здесь.

Я нерешительно толкнула дверь и оказалась в маленьком кабинете, заставленном какими-то приборами с бурлящей жидкостью, колбами, пробирками. За столом сидел мужчина и что-то сосредоточенно изучал в микроскоп. И, естественно, он был красив, несмотря на седые волосы и явно преклонный возраст.

– Здравствуйте, – я нерешительно топталась на пороге.

Мужчина оторвался от микроскопа и посмотрел на меня с недовольством. Под его взглядом я чувствовала себя неуютно. Он встал из-за стола и кивнул в сторону стула возле стеклянного двухъярусного столика. Я расценила это, как распоряжение присесть, стараясь не думать о причине его явной враждебности.

С трудом удавалось себя сдерживать, не выказывать страха. Ноги дрожали, когда я опускалась на стул. Дальнейшие процедуры прошли, как в замедленном кино. У меня взяли кровь из вены, из пальца, измерили температуру и давление. Замерили рост и вес. Возникали четкие ассоциации с приемом у терапевта.

За все время, что работал со мной, мужчина не проронил ни слова, что было особенно неприятно. Взгляд его по-прежнему оставался недовольным. Когда он жестом показал, что я могу идти, невольно обрадовалась, слишком тяжело стало находиться с ним в одном кабинете. Правда, указал он не на ту дверь, через которую я вошла. Нужная мне дверь оказалась смежной между двумя кабинетами.

Вторая комната, не в пример первой, была почти пустая. Кроме аппарата в виде большой капсулы и стола, другой мебели не заметила. Мужчина в белом халате сидел ко мне спиной, подключая какие-то проводки, идущие от капсулы, к небольшому пульту рядом.

Я и с ним поздоровалась, решая оставаться вежливой, несмотря на грубость первого врача.

– Одну минуту, красавица. Сейчас настрою и начнем.

Ну надо же! На лице мужчины я заметила улыбку, когда он повернул ко мне голову. Значит, улыбаться они умеют.

– Все готово, – распрямился он и повернулся ко мне всем корпусом. – Проходите, – он сделал приглашающий жест, не переставая улыбаться.

Как же мне понравилось его лицо! Улыбка необыкновенным образом расцвечивала и без того идеальную красоту. Глаза искрились добротой. Я почувствовала благодарность, хотя он ничего особенного не сказал.

– А что нужно делать? – спросила я, подходя ближе.

– Да, ничего особенного, – тряхнул он черными кудрями. – Вам нужно просто полежать спокойно какое-то время, пока я буду сканировать мозг. Это не страшно и не больно.

А я и не боялась. От мужчины шла мощная волна дружелюбия. Он помог забраться в капсулу, а затем прикрепил к моей голове проводки и опустил крышку. Вот тут стало немного страшновато. Сработали боязнь замкнутого пространства и абсолютная тишина. Казалось, ничего не происходит, пока я не различила слабый звон в голове. Постепенно звон нарастал, доставляя все большее неудобство, пока не стал казаться нестерпимым. В этот момент капсула открылась, и меня выпустили на волю.

Мужчина помог мне выбраться, слегка пожимая руку. Я поняла, что сделал он это ненамеренно, в знак дружелюбия, и была ему благодарна.

– Дальше вам туда, – он указал на дверь в смежный кабинет, как я поняла. – Нам еще не раз предстоит увидеться, поэтому предлагаю познакомиться. Меня зовут Алексей.

– Фаина, – улыбнулась я и пожала протянутую руку.

Не хотелось покидать гостеприимного хозяина кабинета, но выбора не было, и я перешла в смежный кабинет, точно такой же по размерам, как два первых. Здесь проверке подверглась моя нервная система. Наверное, на теле не осталось ни одного места, по которому бы не прошелся молоточек невропатолога. Он заставлял меня приседать и следить за его пальцем, задавал много вопросов об общем состоянии моей психики. В общем, к тому моменту, когда разрешил покинуть кабинет, моя нервная система находилась под угрозой серьезного расстройства. Плюс ко всему, от физических упражнений я элементарно устала.

В четвертом кабинете проверке подверглись мои органы чувств. Даже вкусовым рецепторам пришлось пройти испытание, попробовав всю гамму имеющихся вкусов.

Все, что я делала до попадания в пятый кабинет, было неприятно, утомительно, но терпимо. Я как-то не задумывалась, что самые серьезные испытания ожидают меня именно в двух последних кабинетах.

– Раздевайтесь, – услышала я, не успев переступить порог пятого кабинета.

Мужчина сидел на крутящемся стуле, выехав чуть ли не на середину кабинета. Я уже не обращала внимания, на то, что они тут все красивые. Но не заметить откровенной похотливости во взгляде, когда он переводил его снизу-вверх, осматривая меня, я не могла.

– Зачем? – выпалила я первое, что пришло в голову.

– Я должен осмотреть ваши кожные покровы.

– Но я не могу...

– Можете, – перебил он меня. – За неповиновение последует предупреждение. Вы же не хотите этого? Девушка, я врач, меня не следует стесняться, – добавил он через какое-то время.

Говорил он правильно, только похоть из его глаз не исчезала. Я стояла, как соляной столб, не зная, что предпринять или сказать. Одно решила твердо, раздеваться не стану ни за что!

Мужчина какое-то время продолжал крутиться в кресле и нагло рассматривать меня. Потом встал, подошел ближе и заглянул мне в глаза. Я почувствовала легкое головокружение, и пальцы сами потянулись к поясу халата. Даже не успела сообразить, как осталась перед ним совершенно голая.

Несмотря на то, что все дальнейшие события заволокло туманом, я помнила выражение неприкрытой страсти в черных пылающих глазах и настырные руки, шарящие по моему телу. Я чувствовала, как он мнет мою грудь, покручивает соски, гладит по спине, опускаясь к ягодицам. Отчетливо слышала его прерывистое дыхание рядом. От невольного возбуждения, которое граничило с крайним отвращением, я еле удерживала вертикальное положение. Если бы не какая-то сила, что заставляла меня стоять прямо, я, наверное, уже давно упала от наплыва самых противоречивых эмоций.

Даже примерно не могу предположить, сколько длилась эта пытка. Очнулась я уже полностью одетая и пунцовая от стыда и отвращения.

– Умница, – довольно промурлыкал мужчина, слегка потрепав меня по горячей щеке. – Ты хорошо себя вела. За это я провожу тебя в последний кабинет и поприсутствую при осмотре.

Это стало завершающим этапом в череде моих унижений. Мы переступили порог шестого кабинета, и я увидела самое настоящее гинекологическое кресло. Я попятилась к двери, и оказалась в руках предыдущего самца.

– Ну что ты дичишься? Будь паинькой и дяди тебе не сделают больно, – хохотнул он.

С другой стороны ко мне уже приближался второй самец. Это сравнение само пришло в голову и никак не хотело ее покидать.

– Нет, – замотала я головой, а на глаза навернулись слезы. – Я не буду... Я девственница.

Я прибегла к правде, как к единственному шансу на спасение. Но мои надежды разбились о беспощадные слова, произнесенные низким мужским голосом:

– Вот это мы сейчас и проверим.

Что было дальше, помню местами. Как оказалась раздетой и на кресле, память вообще отказалась зафиксировать, видимо, пощадив мой рассудок.

Это не был осмотр. Врачи вели себя, как озабоченные и похотливые самцы. Они по очереди гладили меня там, пока я не достигла крайней степени возбуждения и не застонала. Я чувствовала, как кто-то посасывает мои соски, приговаривая:

– Хороша... Она сладкая, как мед...

Я и там периодически ощущала чей-то язык, который лизал меня и теребил самый чувствительный бугорок, пока я не начинала кричать и извиваться. Затем опять меня ласкали руками, которых было слишком много, и трогали они везде.

Пытка длилась бесконечно долго. Несколько раз я оказывалась на пике возбуждения, чтобы потом с криком низвергаться в бездну отчаяния и отвращения к себе.

– Как жаль, что ты нужна нам девственной, – шептал на ухо чей-то голос, и губы накрывал чей-то влажный рот, пахнущий сексом. – Я бы показал тебе, что значит настоящая страсть...

Когда поняла, что стою полностью одетая, у меня не осталось сил даже соображать. По щекам струились слезы унижения. Хотелось умереть немедленно. Я понимала, что тут произошло. Понимала, что меня насиловали два человека, насиловали изощренно, чтобы не нарушить девственности, заставляли меня испытывать ответную страсть... И еще я поняла, что это

чувство отвращения к себе и всем мужчинам будет преследовать меня всю жизнь, сколько бы она не продлилась.

Когда я, окаменевшая в душе, вышла в приемную, Филипп ждал меня на той же лавочке. Я даже не посмотрела в его сторону, пошатываясь, прошла мимо и оказалась в коридоре. Ноги сами несли меня подальше от этого места.

– Фаина! – Филипп догнал меня, когда я успела уйти достаточно далеко. – Фаина! Что случилось? Тебя кто-то обидел?

Я молча продолжала путь. Его слова не то что не достигали цели, они отскакивали от меня, как шарик для пинг-понга. Я не хотела его слышать, видеть... Я не хотела ничего!

– Фаина! – Он взял меня за плечи и развернул к себе лицом. – Скажи что-нибудь!

– Убери руки, – прошипела я, не глядя на него. Всю злость мира вложила в эту короткую фразу.

Филипп вздрогнул и выпустил мои плечи. Я молча продолжила путь. Он проводил меня до двери в мою комнату, но внутрь не зашел. Я даже не заметила этого. Единственная мысль клочкотала в голове: «Скорее в ванну!»

После того, как с ожесточением, царапая кожу, терла себя руками, я долго еще лежала в воде, проклиная собственную слабость. Во второй раз я не смогла умереть, как тогда, когда осознала, что из жизни ушел единственный родной человек. Тогда я больше всего хотела умереть и не смогла. То же самое произошло и сейчас. Первой мыслью при погружении в воду была уйти в нее с головой и лежать, пока в легких не останется воздуха, пока вода не затопит меня до краев, унося из этой проклятой жизни. Но я не смогла... Вода сама меня вытолкнула на поверхность, когда нечем стало дышать. Как и тогда, слез не было. Они, как будто, превратились в лед и впитались в сердце, замораживая его изнутри.

Я покинула ванну, когда кожа сморщилась и стала неприятная на ощупь. До такой степени было противно собственное тело, что я не стала вытираться. Так и стояла голая посреди комнаты, пока вода сама не высохла. После этого отправилась в постель, стараясь не думать ни о чем.

Глава 6

Филипп не появлялся несколько дней. Я с головой ушла в работу, если так можно назвать тот рабский труд, которым я была вынуждена заниматься. Превратилась в думающего робота, который спал, ел и крутил коктейльные палочки. И так повторялось изо дня в день, счет которым я уже потеряла. Даже спала я практически без сновидений, иногда только снились горы тех же коктейльных палочек, как отражение монотонной действительности.

Я умудрялась выполнять план, мастерить двести палочек за смену и не получать больше замечаний. О событиях страшного дня старалась не вспоминать, похоронив их на собственном кладбище, где количество могил стремительно увеличивалось.

Светлана несколько раз пыталась вызвать меня на откровенный разговор, видя, что со мной происходит, но каждый раз дверь моей души захлопывалась перед самым ее носом. Наконец, даже она оставила меня в покое, и я погрузилась в вакуум, где не было ничего.

Филипп появился, когда я возвращалась в собственную комнату после очередной рабочей смены. К слову сказать, выходных тут не было. Я даже примерно не могла предположить, какой сегодня день недели, сколько дней я тут провела и какое наступило число и месяц по календарю.

– Как твои дела, Фаина? – спросил он, и я равнодушно подметила, что голос его звучит грустно. Равнодушие стало моим постоянным спутником.

– Как у всех, – кивнула я на стайку горбуньей, разбредающих по своим комнатам.

– Мне нужно сводить тебя к врачу.

Думала, что сердце мое превратилось в камень, и очень удивилась, когда оно трепыхнулось в груди. Сознание опалило воспоминаниями, мгновенными, как вспышка молнии. Филипп уловил перемену в моем настроении и быстро проговорил:

– Нужно просканировать твой мозг, это не займет много времени.

Я молча кивнула и вошла в комнату. Дверь оставила открытой. Мне было все равно, последует он за мной или останется ждать в коридоре. Он зашел следом и прикрыл дверь.

– Что с тобой происходит? – спросил он, подходя ближе.

– Ничего особенного, собираюсь помыться, – ответила я, принявшись развязывать пояс рабочего халата. С некоторых пор меня перестал волновать вопрос, что дверь не запиралась изнутри.

Филипп отвернулся и деликатно удалился вглубь комнаты. Я скинула халат и забралась в горячую жидкость. Это стало моим любимым занятием. Жаль, что в ванне не получалось валяться целыми днями. Даже утром из-за недостатка времени я могла позволить себе только душ. Зато вечером никто не мог запретить мне проводить в ванне столько времени, сколько я пожелаю. Но, видно, не сегодня. Я понимала, что нужно торопиться, что терпение Филиппа не бесконечно. И хотя меня мало волновало его состояние, довольно быстро я выбралась из ванны, обтерлась полотенцем и надела свежий халат, который про себя обозвала парадно-выходным.

– Я готова, – окликнула я Филиппа.

Он подошел, взглянул на меня и ничего не сказал. Со злорадством отметила, что его глаза наполнены грустью, а на смуглом лице проступает бледность. Увиденное доставило удовлетворение, хотя зла ему я не желала, как, впрочем, и добра.

Дорога во врачебный пункт прошла в молчании. Я двигалась на небольшой дистанции позади Филиппа. Идти рядом с ним мешало какое-то чувство, природу которого я не могла определить.

Второй раз за последнее время сердце мое повело себя, как живое, когда мы переступили порог приемной. Оно опять сильнее забилося в груди, и мои ладони слегка вспотели.

Филипп повернулся ко мне, и стало заметно, что он силится что-то сказать, но произнес лишь:

– Я буду ждать тебя здесь.

В этот раз я сразу вошла во второй кабинет через дверь, ведущую непосредственно из приемной. Оказывается, я не разучилась радоваться, потому что добродушный вид улыбающегося Алексея доставил мне настоящее удовольствие.

– Теперь мы будем видеться чаще, а точнее каждый день, – он приветливо схватил мои обе руки и крепко пожал их. – Я рад этому факту.

– Я тоже очень рада, – непривычно было ощущать, как губы непроизвольно растягиваются в улыбку. Этот врач казался мне приятным человеком.

После некомфортной процедуры мы еще немного поболтали. Алексей интересовался моей работой и эмоционально ругался, когда узнал, в чем она заключается. Он умудрился рассказать о многом и ни о чем одновременно. Я узнала, что общество в колонии делится на классы. Тот, в котором обитала я, относился к самому низшему. Туда ссылали всех неугодных. Был еще средний, к которому относился он сам. Я так поняла, что по количеству этот класс многочисленнее остальных. Самой могущественной была верхушка – высший класс. Они выполняли функции и руководителей, и законодателей, и еще неизвестно кого. Алексей рассказал мне, что все ресурсы, которые необходимы для существования под землей, они добывают сами, что у них дефицит питьевой воды. Это я уже и сама поняла, видя, с каким трудом она добывается. В комнате графин не пополнялся, пока не опустошался полностью. Воду они умели экономить. Та вода, что использовалась для купания, была вовсе не водой, о чем я уже тоже догадалась. Ее они добывали в химической лаборатории в большом количестве путем выжимки неизвестно из чего. Кстати, ни мыла, ни мочалки не требовалось для мытья, жидкость содержала все необходимые дезинфицирующие вещества.

Мы тепло простились с Алексеем до завтра, и я с улыбкой покинула его кабинет. Впрочем, улыбка моментально сползла с лица, стоило только увидеть Филиппа. Одновременно с этим в его глазах потухла радость, не успев даже разгореться.

На обратном пути он не сказал ни слова. Проводил меня до двери и удалился быстрым шагом.

Лежа в постели без сна, я пыталась размышлять. Почему Алексей вызывал у меня доверие, а Филиппа я не могла видеть? Почему, стоило ему появиться, как я замыкалась в себе? Не потому ли, что считала его отчасти виноватым в том, что со мной произошло? Если даже попытаться думать отвлеченно от той мерзости, что проделывали со мной двое так называемых врачей, сюда-то меня привел именно Филипп. Значит, он и виноват. И что-то мне подсказывало, что он не мог не догадываться обо всех тех бесчинствах, что творятся во врачебном пункте. Знал и привел меня туда. Если даже в тот момент не знал, то потом-то уж точно его поставили в известность, а он даже не попытался хоть как-то оправдаться передо мной. Однозначно виноват, вынесла я вердикт и погрузилась в спасительный сон.

Я иду по темному коридору и захожу в белую комнату. Страх липкими щупальцами сжимает мое сердце так сильно, что оно перестает биться. Я уже словно и не живая вовсе, а превратилась в зомби. Они меня уже ждут, на лицах извращенцев блуждают мерзкие улыбки. Я силюсь закричать, сказать, что не желаю участвовать в этом, что мне противно и страшно, но не могу выдать ни звука. Монстры приближаются... Вот они уже начинают срывать с меня одежду и тащить к ненавистному креслу. Я вижу себя покорную со стороны...

– Фаина... Фаина...

Я проснулась вся липкая от пота и дрожащая от холода. Этот сон снится не первый раз, но сегодня было особенно страшно. Я всегда просыпаюсь на одном и том же моменте, но сегодня примешивалось что-то новое.

– Фаина... – услышала я голос Филиппа. – Фаина...

Так уже было однажды, он звал меня. Это был первый день, вернее ночь моего пребывания здесь. Его голос... в нем столько муки. Что заставляет его так страдать?

Не пойду! Он не заслужил моей жалости.

– Фаина... – голос прозвучал надрывнее, словно зовущий доживает последние минуты.

Я вскочила с кровати и побежала. Думать не оставалось времени. Ему грозит опасность, и я это чувствую. Сейчас не до обид, ему нужна помощь.

Выбежав в коридор, я помчалась в ту сторону, откуда доносился голос. Где же это?.. Ну, позови еще раз.

– Фаина... – услышала я и резко замерла на месте.

Это здесь. Я стояла возле одной из дверей, не решаясь войти внутрь. Когда из комнаты до меня донесся приглушенный стон, я перестала раздумывать и резко распахнула дверь. Внутри царил темнота. Я сделала несколько шагов вперед и услышала, как дверь с грохотом захлопнулась за спиной.

– Филипп? – позвала я и почувствовала, как голос задрожал и по спине пробежал холодок.

Ответом мне была тишина, и где-то впереди засветились две точки.

– Филипп? Это ты? Почему молчишь?

Голос уже дрожал вовсю, выписывая прерывистые рулады.

Точки медленно приближались, но шагов я не слышала. Как ни напрягала зрение, ничего разглядеть не могла.

– Я ухожу... – попятилась я к двери. – Не желаю играть в кошки мышки.

Дверь не поддавалась, и тогда я поняла смысл того, что только что произнесла. Я оказалась в мышеловке, куда меня заманили подлостью. Кто бы ты ни был, я тебе не дам! – эта мысль билась в мозгу единственная. От паники я практически перестала соображать, только и могла, что колотить в дверь и звать на помощь. Мне казалось, что делаю это бесконечно долго, но продолжалось это лишь мгновение. Чьи-то руки оторвали меня от пола и куда-то понесли. Я забилась в истерику, брыкалась, царапалась, кричала что есть мочи, но меня так крепко прижимали к телу, что все попытки вырваться оказывались тщетными.

Крик мой потонул в поцелуе, когда горячие губы накрыли мои. От неожиданности я настолько растерялась, что обмякла на руках у насильника, кем и являлся тот, что заманил меня сюда обманом. Вновь всплыли смутные картины того, что творили со мной те два похотливых извращенца. Воспоминания вызвали настолько сильное омерзение, что вернулась способность двигаться. Борясь с тошнотой и не в силах избиваться от настырных губ, я снова принялась брыкаться что есть силы. Только вот никто на мои тычки не обращал внимания. Насильник опустил меня на ложе и распахнул полы халата. Губы его вновь накрыли мои, а рука легла на грудь, сжимая ее, потом скользнула вниз по животу, пытаясь проникнуть между ног, которые я сжимала из последних сил. Ни за что, ни за что я не дам коснуться меня там, даже если мне суждено умереть сейчас от усилий. Впрочем, он оставил свои попытки, как и губы его освободили мои, для того чтобы завладеть соском. И вот тогда я завизжала во весь голос, чувствуя, как тот вот-вот сорвется.

В один миг все закончилось. Кругом снова царил тишина. Кажется, меня оставили в покое, значит не зря я сопротивлялась. И пусть я вся тряслась, как в сильнейшей лихорадке, но я одержала победу.

Что-то с грохотом упало совсем рядом со мной, и я едва не потеряла сознания, такой испытала прилив паники. Он вернулся! Вернулся, чтобы довести начатое до конца! Этого я

уже вынести не смогла. Голова закружилась, когда я села в кровати и пытаюсь нашарить халат. А потом наступила темнота, но уже не снаружи, а внутри меня.

В нос ударил противный и резкий запах. Он тащил меня из бездны, но я проваливалась в нее снова и снова. В те промежутки, когда выныривала на поверхность, чувствовала, как кто-то гладит меня по лицу и повторяет мое имя:

– Фаина, очнись... Фая, все хорошо, вернись...

Я хотела умереть. Не помню почему, но точно знаю это. Как могла, сопротивлялась силе, не позволяла ей вытаскивать меня, мечтала погрузиться глубже в забытие, насовсем.

Что-то теплое легло на лоб. По телу заструилась энергия, а потом его охватило нестерпимым жаром. Я горю в адском пламени, мелькнула догадка. Так мне и надо. Кому я нужна в этой жизни?

– Фаина, открой глаза! – произнес голос Филиппа. Сейчас я его узнала. – Не притворяйся, ты уже в сознании.

Пришлось подчиниться, хоть и жутко не хотелось этого делать. Меньше всего я сейчас хотела видеть его в роли спасителя, кем он не являлся. Филипп сидел возле меня на кровати, злой и растрепанный. Первый раз видела его таким.

– Ты так сопротивлялась, словно хотела умереть, – отрывисто сказал он. Глаза метали молнии, и губы были плотно сжаты, отчего вокруг них залегли глубокие складки.

Я отвернулась, смотреть на него не могла. Гад и притворщик! Подумать только, разыграл целый спектакль, а сейчас прикидывается разъяренным рыцарем. Не стану я перед тобой оправдываться или соглашаться. Думай, что хочешь.

– Посмотри на меня!

Я почувствовала его пальцы на подбородке и с силой дернулась, вырываясь. Он не позволил мне этого сделать, обхватил голову двумя руками и повернул к себе. Отчетливо видела, как его лицо приближается к моему, как разгораются глаза, пронизывая меня насквозь и приковывая голову к подушке. Его дыхание охлаждало мои пылающие щеки.

– Я мог бы загипнотизировать тебя, – медленно заговорил он, – и превратить в послушную марионетку. Ты бы вела себя так, как я велю, во всем.

Его слова хлестали. Он говорил, словно выплевывал их дозированно. Я замерла от страха. Не тех насильников нужно бояться, а его. Если ты можешь это, так почему же не сделал раньше?

– Ты нужна мне живая, а для этого должна слушаться.

Для чего?! – хотелось крикнуть ему в лицо. Для чего я тебе нужна?

– С этого момента ты будешь передвигаться по колонии только в моем сопровождении, поняла?

Я кивнула, не в силах сопротивляться его воле, взгляду.

– Ночью ты не будешь покидать пределы этой комнаты.

Так это ты же меня и выманил из нее! По твоей воле я отправилась на поиски неизвестно чего... Но ничего вслух я не сказала, а лишь кивнула, подчиняясь гипнозу. Он выпустил мою голову и немного отодвинулся. Я наблюдала, как он ссутулился и устало потер виски. О чем он сейчас думает? Здорово у него получается притворяться! Выглядит так, словно это я вынудила его проводить бессонную ночь. Он, он виноват во всем! И думала я сейчас не о том, что чуть раньше он едва не изнасиловал меня, а о том, что похитил из дома и притащил сюда!

– Ненавижу! – выдавила из себя, хоть горло и саднило после недавних криков.

Филипп, не мигая, смотрел на меня. Он правильно меня понял. Злость вспыхнула в его глазах, и какое-то время он пытался побороть ее. И у него получилось. Постепенно лицо его становилось все более спокойным, пока не превратилось в маску равнодушия. Я поняла, что он ничего не скажет и не сделает. Я отвернулась, не в силах больше смотреть на это красивое лицо. Моих сил уже больше ни на что не осталось. Хотелось забыться сном и ни о чем не думать.

– Утром я приду за тобой, – раздался голос Филиппа.

Иди к черту! Оставь меня в покое хотя бы сейчас! В это момент я сомневалась не только в его адекватности, но и в своей тоже. Все, что творилось вокруг меня, напоминало дурной сон, в который меня погрузили насильно и не позволяют проснуться.

Глава 7

Не считая перерыва на обед, Филипп повсюду сопровождал меня. Он появлялся с утра, а потом вечером, когда заканчивался рабочий день. Каждый раз его приход в подвал вызывал всеобщее падение ниц, кроме меня. Даже под страхом расстрела я бы не стала этого делать. Собственно, никто от меня этого и не требовал, разве что Ивана. Она затаила на меня злобу. Скорее всего, началось все с моего появления здесь. Уж больно не понравилась я ей, видно. Только придирки с каждым днем становились все более очевидными. Во-первых, мне повысили план, хотя я и с прежним еле справлялась. Теперь я должна была крутить трубочек на пятьдесят больше в смену. Помимо этого, Ивана постоянно отвлекала меня разовыми поручениями. При этом план на день не урезался, я должна была успевать выполнять все. Спасибо Светлане, которая тайком помогала мне, иначе наказывали бы меня почти каждый день. А замечаний уже накопилось два за невыполнение плана, и я с ужасом думала, что последует за третьим, которое, наверное, сегодня и получу.

С самого утра Ивана отправила меня на кухню, на разделку мяса и заготовку его впрок. Как я поняла, мясо у них тут поступало в очень ограниченном количестве. Каждый кусочек его ценился на вес золота. В ход шло все, даже прожилки. Процесс разделывания туши превращался в трудоемкую работу. Меня как раз и поставили на отделение жил от мяса. Даже острым ножом делать это было тяжело и долго, что особенно волновало меня. Вряд ли Светлана успеет накрутить много трубочек за меня, у нее и свой план не маленький.

В правоте своих опасений я убедилась, когда, спустя полдня на кухне, вернулась в подвал. Светлана тайком сунула мне небольшую горстку палочек и виновато прошептала:

– Больше не смогла, извини. Ивана мне еще повысила план...

Значит, нашу хитрость она раскусила, старая змеюка. Теперь еще и Светлана из-за меня пострадает.

– А что за наказания тут за три замечания? – так же шепотом спросила я у нее.

Светлана бросила на меня испуганный взгляд и, делая вид, что занята работой, быстро проговорила:

– Если сможешь, приходи сегодня ко мне. Только так, чтобы никто не заметил. Расскажу.

Конец смены был предсказуем. Когда все собрались, чтобы покинуть подвал, ко мне подошла Ивана и торжественно громко объявила:

– За невыполнение дневного плана ты получаешь третье предупреждение!

Среди женщин появилось движение, и я поймала на себе несколько сочувственных взглядов. Впрочем, остальные смотрели с плохо скрываемым злорадством. На уродливом лице змеюки тоже появилась ехидная усмешка. Светлана выглядела расстроенной и виноватой, хотя это я точно ни в чем не винула.

Если Ивана думала, что я забьюсь в истерику от ее сообщения, то очень сильно ошиблась. С гордо поднятой головой я первая покинула подвал.

Филипп ждал меня в холле, и я с удовлетворением и даже злорадством подметила, как все повалились на колени при виде его. Он даже не посмотрел на горстку уродливых созданий, молча развернулся и пошел вперед, подразумевая, что я последую за ним.

По пути домой меня не покидали мысли, зачем он так возится со мной, чего опасается? Очередного ночного покушения? Так я не собираюсь больше шляться по коридору по ночам, кто бы там меня ни призывал и чьим бы голосом. Бойтся, что сбегу? Так сам сказал, что это невозможно. Тогда, зачем? Из жалости? Нужна она мне больно!

– Я получила третье замечание, – сообщила будничным тоном, когда мы остановились у двери в мою комнату. Каждый вечер Филипп провожал меня, но внутрь не заходил. Через какое-то время возвращался, чтобы вести меня на вечернее обследование.

Филипп дернулся, как от удара, и испуганно взглянул на меня. Я старалась стоять прямо и смотреть ему в глаза, хоть постепенно от его вида страх заползал в душу. Впервые я так явно испугалась предстоящего наказания.

Я наблюдала, как он пытается взять себя в руки, и видела, что получается это с трудом.

– Переодевайся, я скоро вернусь, – наконец проговорил он. Потом развернулся и быстро зашагал по коридору.

Неизвестно почему мне вдруг стало так грустно и одиноко, хоть реви белугой. Сейчас бы посидеть с Раей на ее кухне, поболтать, посплетничать... А вместо этого я тут, еле держусь на ногах от усталости, пальцы на руках горят, как будто я ошпарила их кипятком, все тело ломит, словно мне исполнилось сто лет.

Внезапно стало так жалко себя, что я разрыдалась. Только сейчас я осознала, как много значит свобода. Да, я похоронила единственного родного человека, горевала по нему, но я была свободна. Делала, что хотела, ходила, куда желала, ела, когда и что вздумается. А тут... Тут я почти не ем, сплю мало, ничего, кроме подвала, кабинета врача и своей комнаты не вижу. А как я соскучилась по дневному свету, одному Богу известно! Как же случилось так, что я разом потеряла свою жизнь, не умерев при этом?

Я плакала, уткнувшись в подушку, пока не сообразила, что сейчас явится Филипп, чтобы вести меня к врачу. Едва успела переодеться, как он распахнул дверь. В последнее время он даже не переступал порог моей комнаты, молча открывал дверь и ждал, когда я выйду в коридор.

Его лицо не выражало никаких эмоций, сплошное равнодушие. Как обычно молча мы проследовали в медпункт. Единственная светлая отдушина в череде серых будней – общение с Алексеем. Каких-то десять минут дружеской беседы, а какой заряд бодрости они мне внушали. Я, как ребенок, радовалась этим походам. Алексей был единственным приятным человеком из всех, с кем мне приходилось здесь общаться.

– Как дела? – весело спросил он, но сразу погрустнел, видно, заметив следы недавних слез на моем лице. – Что-то случилось? – озабоченно поинтересовался.

– Да, ничего особенного, – отмахнулась я. Не хотелось расстраивать его. – Просто взгрустнулось, вот и решила пореветь. Еще и предупреждение третье получила.

– Третье?! – взволнованно спросил он, и я почувствовала, как задрожали его руки, когда он помогал мне забираться в капсулу.

– Как всегда, не выполнила план. Теперь меня накажут, да? – прикинулась я наивной дурочкой.

Алексей молчал, украдкой бросая взгляды на дверь. Потом, понизив голос, быстро проговорил:

– Ты же знаешь, что за три предупреждения полагается наказание. Только это...

Он замолчал, а я потребовала:

– Что это? Леша, скажи, что это за наказание?

– Я не могу тебе сказать, – понурил он голову. – Но, я могу попытаться уговорить их смягчить наказание. Точно! Я поговорю с ним! Он должен понять...

Он взволнованно заходил по комнате, как будто забыв, что я тоже тут. Потом опомнился и подбежал ко мне.

– Я поговорю с ним, – посмотрел он на меня проникновенно, прикрепляя проводки к моей голове. – Я объясню ему, что ты еще не готова, что с тобой нельзя так...

– Как?! – выкрикнула я и тут же испугалась, что мой крик может быть слышен в приемной.

Алексей вздрогнул и быстро захлопнул капсулу, видимо опасаясь, что я не перестану кричать.

На этот раз прием закончился быстрее обычного. Алексей был до крайности озабочен, когда помогал мне выбираться из капсулы, и даже не пытался заговорить, как мы это делали всегда. Мне пришлось покинуть его кабинет, когда поняла, что он больше ничего не скажет. Правда, он вышел со мной в приемную и обратился к Филиппу:

– Можно мне с вами поговорить, господин? – его речь сопровождалась учтивым поклоном.

– Жди здесь! – приказал Филипп и проследовал в кабинет за врачом.

Я осталась в тишине и одиночестве. Господин? Почему его все так называют? Какой вес он тут имеет? Явно немалый... Тогда вообще не понятно, почему он лично возится со мной.

Я подкралась к двери, в надежде хоть что-то подслушать. Говорили очень тихо, и до меня долетали обрывки фраз, из которых я мало что понимала.

– ... мозг воспален... потрясением... не выдержит, – выхватила я из взволнованной речи Алексея.

– Не тебе решать! – строго произнес Филипп.

– ... постепенно... сразу... время...

Алексей говорил слишком тихо. Я ничего не понимала из отдельных слов, что удавалось разобрать. Молила, чтобы он заговорил погромче, чтобы хоть что-то узнать.

От двери успела отскочить вовремя, заслышав шаги. Через мгновение из кабинета вышел Филипп, и его лицо ничего хорошего не предвещало.

На этот раз он схватил меня за руку, не обращая внимания на гримасу боли на моем лице, и поволок за собой. Воспаленные пальцы нещадно жгло, и в какой-то момент я не выдержала и застонала, а потом вырвала свою руку из его.

– Что?! – почти закричал он на меня, резко остановившись.

– Ничего?! – прокричала я в ответ. – Пальцы болят, а ты хватаешься...

Тогда, он молча развернулся и продолжил путь. На этот раз он зашел со мной в комнату.

– Дай руки! – потребовал он, закрыв за нами дверь и не двигаясь дальше.

Я молча протянула ему руки с бордовыми подушечками пальцев. Какое-то время он просто удерживал их в своих, молча разглядывая.

– Какую норму тебе установила Ивана? – наконец спросил он.

– Двести пятьдесят палочек.

Филипп нахмурил брови, но ничего не сказал, как я не ждала. Показалось мне, или в его взгляде на самом деле мелькнуло подобие нежности, когда он обхватил мои руки своими, чтобы лечить привычным способом? Наверное, я умудрилась к нему привыкнуть, раз прикосновение не было противно. Напротив, его горячие ладони приятно согревали, жжение в пальцах не доставляло дискомфорта. Я даже немного разочаровалась, когда он выпустил мои руки.

– Послушай... – куда подевалась его уверенность в себе? Почему заговорил таким странным голосом? – Завтра ты предстанешь перед советом колонии. Избежать наказания не получится, но я попробую... смягчить его.

– И ты не расскажешь, в чем состоит наказание? – это было лишь наполовину вопросом. Прозвучало, как утверждение.

– Завтра ты все узнаешь. А сейчас ложись спать и ни о чем не думай.

Ага! Сейчас прям! Все брошу и завалюсь спать! У меня еще есть дело.

Я подождала какое-то время, давая Филиппу возможность уйти как можно дальше, и тоже выскользнула за дверь. Прокралась к двери Светланы и нырнула внутрь. Она ждала меня и сразу же прижала палец к губам:

– Тссс, пока молчи, – схватила меня за руку и потянула вглубь комнаты. – Теперь можем говорить, только тихонько.

Комната Светланы в точности копировала мою, с той лишь разницей, что над кроватью был натянут балдахин. Интересно, почему мне не устроили такой же? Чтобы моя и без того

подневольная жизнь стала и вовсе прозрачной? Усмехнулась собственной мысли, а Светлана сердито зыркнула на меня.

– Смешно ей! Я тут вся от страха обтряслась, а она... Конечно, у меня же нет такого покровителя.

– Это ты о чем? О Филиппе что ли? – не сразу поняла я.

– Да ты его еще и Филиппом зовешь? Хорошенькие дела... Для нас он господин, – она сердито надула губы.

– Свет, не дуйся. Лучше расскажи мне все про наказание.

Ох, не понравился мне ее взгляд в тот момент, какой-то тяжелый и чересчур сочувственный.

– Не знаю, с чего лучше начать, – нехотя промямлила она.

– Начни уже с чего-нибудь. Начни с самого главного! – прикрикнула я, а она схватилась за рот и испуганно взглянула на дверь.

– Чего орешь, ненормальная? Ладно, слушай, – она уселась поудобнее. – Ты же видела всех этих женщин, что работают вместе с нами? – она испытующе посмотрела на меня. Я сочла нужным кивнуть. – Думаешь, они всегда были такими уродливыми?

– А разве нет?

Я думала, что они родились такими, и их сослали в подвал, чтобы не портить картину, когда кругом все такие красавицы.

– Ничего подобного! – горячо возразила Светлана, когда я высказала свою мысль вслух. – Не могут же мужчины рождаться красавцами, а женщины уродинами. Это было бы чересчур даже для нас. Их выжали, понимаешь? А потом выкинули, как ненужный хлам.

– Как выжали? – я не понимала ровным счетом ничего.

– Я и сама толком ничего не знаю. В подробности посвящаются только в верхушке и те, кто приближен к ним. Знаю только, что женщина в колониях что-то типа подопытных кроликов, на них ставят опыты или еще что-то... Они высасывают из них все соки, и это превращает их в уродин.

– Но зачем? – я была потрясена подобной жестокостью.

– Не знаю, – чуть не плача воскликнула Светлана, забыв об осторожности. – Это покрыто тайной. С рождения нам вдалбливают мысль, что это великая тайна, что обсуждать это между собой нельзя. Кроме того, такое преображение, – она поморщилась, – считается почетным.

– Как почетным? Почему же тогда они трудятся в подвалах, словно прокаженные?

– Возможно, не все там по принуждению, как мы с тобой. Кто-то соглашается на это добровольно.

– А ты?... За что тебя туда сослали?

Вот, значит, какая мне уготована участь? Превратиться в уродину? Кто-то планирует ставить на мне опыты? Я потрясенно уставилась в пол, не веря тому, что услышала, пока не поняла, что Светлана продолжает рассказывать.

– ... главному...

– Что? Извини, я отвлеклась. Что ты сказала?

– Я сказала, что подошла к самому главному, – недовольно пробурчала она.

– Так это еще не все?

– Ну, всего я тебе и не смогу рассказать, потому что не знаю. Так вот, красивых женщин, как ты понимаешь, у нас очень мало. Все они – собственность совета. Причем отбирают туда самых красивых. Но! – она подняла вверх указательный палец. – Не знаю, что хуже, оказаться уродиной, но свободной, или превратиться в вечную рабыню какого-нибудь выскочки? Меня выбрали в ублажительницы, но, видно, я чем-то не угодила господину, раз он отправил меня сюда, да еще и из колонии выслал, – она злобно скривила лицо.

Я смотрела на Светлану и понимала, что рассказала она мне не все про себя. Собственно, подробности ее личной жизни меня мало интересовали. Гораздо важнее было выяснить, что же ожидает меня завтра.

– Значит, завтра мне предстоит отправиться на опыты?

Так стало грустно, что опять захотелось плакать.

– Честно говоря, я вообще не понимаю, что ты тут делаешь? И зачем тебя приволокли из другого мира? Зачем заставили работать? И почему с тобой возится господин? – Светлана с любопытством принялась меня разглядывать. – Я бы не сказала, что ты – суперкрасавица. Симпатичная, это да, но на роль ублажительницы явно не годишься. Наверное, завтра тебе предстоит пройти через процедуру очищения, а потом посвятить себя почетной миссии женщины, для которой мы все рождаемся...

– Что значит, процедуру очищения?

Слово «очищения» показалось мне страшным.

– Ну... процедура эта не из приятных, но, ничего, потерпишь. Тебя разденут, привяжут к столбу и выставят на всеобщее обозрение верхушки, – равнодушно поясняла Светлана, а на моей голове волосы зашевелились от ужаса. – И тут есть один приятный для тебя момент, – она хитро улыбнулась.

– Какой? – перестав дышать, спросила я.

– Тебя может выкупить кто-нибудь из верхушки, если ты ему понравишься. Хотя... – она опять скептически окинула меня взглядом. – Нет. Вряд ли...

Больше никаких вопросов я задавать не стала. С трудом поблагодарила словоохотливую Светлану и побрела в свою комнату. Лучше бы я умерла вместо Витали, пронеслась в голове мысль. Я не вынесу того, что мне предстоит завтра.

В коридоре, как обычно в это время, было темно до такой степени, что, как только дверь в комнату Светланы захлопнулась, мне пришлось коснуться стенки и идти вдоль нее, считая двери. Моя должна быть восьмая после двери Светланы. Двигаться я старалась бесшумно, и с каждым шагом мне становилось все страшнее. Темнота и раньше не была моим другом, а сейчас так и вовсе мерещилось, что в ней кто-то прячется и следит за мной.

Когда осталось сделать всего пару шагов, на моем пути выросла преграда. Сначала я врезалась в чье-то тело, а потом передо мной засветились два глаза, да так близко, что в первый момент я зажмурилась.

– Филипп? – прошептала я, чувствуя как дрожит голос.

Ну что за шуточки? И что же мне теперь будет за то, что покинула комнату ночью?

Додумать мысль или сказать что-то еще я не успела – горячие губы накрыли мои, а чьи-то руки прижали меня к крепкому телу с твердыми мышцами.

Отвечать на этот безумный поцелуй не собиралась и забилась в руках насильника, кем бы он ни был. Сама себе в этот момент напомнила больную на голову птицу. Впрочем, соображала я настолько плохо, что не понимала уже, что делаю. Молча колотила руками и ногами, куда попадала, лишь бы вырваться из этих тисков. И сразу же обмякла, хватая ртом воздух, когда его руки сомкнулись на моей шее и сжали ее. Голос Филиппа произнес:

– Стой спокойно, иначе удавлю! – и такая угроза в нем слышалась, что я поверила. Да он ненормальный! И несмотря на то, что в последние дни мечтала о смерти, сейчас отчего-то стало настолько страшно, что я невольно подчинилась.

Губы его терзали мои бесконечно долго, силой заставляя отвечать на поцелуй. Руки его шарили по моему телу, и по характерной выпуклости внизу, к которой меня прижимали, я понимала, насколько он возбужден. Мне же становилось все противнее, стоило только осознать, что под его натиском невольно возбуждаюсь сама, ненавидя не только его в этот момент всей душой, но и себя. И когда мысль, что так не должно быть, заполнила собой сознание, вытесняя все остальные мысли, я его ударила. Коленом по той самой выпуклости, вложив в

удар все силы. А потом я рванула, когда поняла, что меня не держат и расслышала рядом приглушенный стон.

Забежав в свою комнату, я прижалась к двери спиной, отчетливо понимая, что если он последует за мной, то ждет меня верная смерть. Но секунды текли, а ничего не происходило. Какое-то время я прислушивалась к тишине за дверью, пока не осознала, что на эту ночь меня оставили в покое. Что ждет меня в последующие ночи, боялась даже предположить.

Глава 8

Я вошла в зал, по периметру заполненный людьми. Не сразу поняла, что там одни мужчины – все одинаково красивые и надменные. Сколько же их тут, сотня, тысяча?..

Это был тот самый зал с полукругом из кафедр в центре, который я уже видела однажды. Полна горница людей, – крутилось в воспаленном мозгу. Людей ли?

Ноги отказывались подчиняться. Если бы не рука Филиппа, идущего рядом, я бы, наверное, упала, как подкошенная, и не смогла бы подняться. Страх мешал передвигаться. Мне казалось, что плыву в тумане, откуда выныривают какие-то лица. На самом деле туманом была моя голова, а лица выныривали, когда я бросала взгляд на кого-нибудь.

Полна горница людей, полна горница людей... – как заведенная повторяла я про себя. Только это и не давало мне потерять сознание.

Филипп подвел меня к кафедрам. За всеми, кроме одной слева от центральной позолоченной, стояли люди – мужчины. Каково же было мое удивление, на которое я только была способна в тот момент, когда пустующую кафедру занял Филипп, оставив меня стоять одну под взглядами неизвестно скольких пар глаз. Он тоже превратился в зрителя, и эта мысль резанула меня по сердцу острым ножом. Так стало противно, что я даже немного пришла в себя. Наверное, я привыкла к нему, к тому, что он рядом. Несмотря на все странности в его поведении, все то непонятное, что творилось по ночам по его вине, здесь, в совершенно чужом и враждебном для меня месте, я невольно воспринимала его, как единственного почти родного человека. И только сейчас я отчетливо поняла, что он ничем не отличается от всех остальных. Больше того, похоже, он один из тех, кто является законодателем всего.

Я так разозлилась, что не расслышала слов, обращенных ко мне. Стояла и буравила взглядом пол, пока говоривший не повторил громче:

– Фаина Раневская, я вообще-то к вам обращаюсь!

Я подняла голову и первое, что увидела, сердитый взгляд Филиппа. Видно было, что он с трудом сдерживает себя, чтобы не обругать меня.

– Фаина Раневская, – вновь заговорил мужчина за самой главной и парадной кафедрой, – согласны ли вы, что заслуженно получили три предупреждения?

Нет, не согласна, уже собралась ответить я, как заметила легкий кивок Филиппа, намекающий на положительный ответ.

– Ну, наверное... не знаю... – проямлила я, поняв, что язык совершенно не слушается, словно я резко разучилась говорить.

– Что? Вас не слышно!

Я снова посмотрела на Филиппа, и он опять слегка кивнул.

– Согласна, – чуть громче и внятнее ответила.

– Известно ли вам, что следует за тремя предупреждениями?

Я смотрела на него во все глаза. Этот престарелый красавчик требует, чтобы я выпрашивала себе наказание?! Они тут все сумасшедшие, мелькнуло в голове. У Филиппа опять начался нервный тик. Он несколько раз подряд еле кивнул, отчего казалось, что его голова мелко затряслась.

Злость придала мне храбрости. Я выпрямила спину и громко произнесла:

– Мне известно, что согласно вашим правилам, за тремя предупреждениями следует наказание.

Голос мой эхом прокатился по залу, а потом замер где-то за его пределами. Повисла неестественная тишина, пока самый главный не заговорил снова:

– По нашим правилам, избежать наказания может тот, за кого лично вступается член верховного совета. Вам повезло, мой первый советник берет вас в убажательницы. Теперь вы становитесь его собственностью.

По залу пробежал ропот неудовольствия, но глава совета прервал его громким стуком молотка, наподобие судейского. Я не знала, радоваться мне или биться в истерику. С одной стороны, я избежала позора, с другой – стала рабыней. Я перевела взгляд на Филиппа, пытаюсь определить, о чем он сейчас думает. Его лицо не выражало ничего, кроме строгой сосредоточенности.

– Советник, – обратился глава к Филиппу. – Проводи ее в свои покои и возвращайся.

Филипп сошел с кафедры, и под сотнями недовольных взглядов мы двинулись на выход.

– Значит, теперь я твоя рабыня? – угрюмо поинтересовалась я, когда мы покинули зал.

– Поверь мне, это не самое худшее, что могло с тобой случиться.

Филипп шел так быстро, что я едва за ним поспевала. Миновав длинный коридор, мы вошли в лифт и стремительно понеслись вверх. Очень скоро лифт остановился, и мы оказались в огромном холле круглой формы.

– Это моя квартира. Осваивайся пока тут, а я вернусь позже.

Пока я осматривалась по сторонам, Филипп уехал.

Ничего себе хоромы! Я даже присвистнула. Только холл по размерам не сильно уступал залу, из которого я недавно вышла. А я еще не видела всего остального, куда вели несколько дверей из холла.

Широкие грани колонн были покрыты зеркалами. В каждом из них отражалась я. Рассматривая себя издали, я испытала непреодолимую потребность подойти ближе. Как же давно я не видела собственного отражения. В первый момент даже не узнала себя. Я и забыла, какая бледная у меня кожа на лице, почти синюшная. Под глазами залегли круги. Волосы, которыми я так гордилась, утратили блеск и свисали тусклыми прядями. Довершал картину мешковатый халат, делающий фигуру худой до измождения. И это я? Почему-то представила себя рядом с красавцем Филиппом и почувствовала самый настоящий приступ дурноты.

Я присела на один из многочисленных диванов, установленных в простенках между дверями по всему диаметру холла. Интересно, для чего может служить такая большая и бесполезная с функциональной точки зрения комната? Для празднования банкетов? Слабо представляла себе Филиппа в роли гостеприимного хозяина. В голове родилась картинка, как холл наполняется разодетыми гостями, звучит музыка, между гостями снуют официанты с подносами. Почему-то подумалось, что это Новый год, и повсюду красуются гирлянды, а в центре холла возвышается огромная елка с яркой звездой на макушке.

Я прилегла на диван и закрыла глаза, чтобы лучше мечталось. Видно стресс сыграл свою роль, и мне не хотелось двигаться, что-то делать... Хотелось просто помечтать, как любила делать это дома перед сном, в те времена, когда все еще было хорошо.

Какой сейчас месяц? Наверное, конец ноября и скоро начнется декабрь, который я так любила... раньше. А потом Новый год и хлопоты с подарками, с приготовлениями. На работе запарка, как всегда в конце года. Походы по магазинам с Раей, выбор подарков ее многочисленной родне. А я ищу Витальке что-нибудь необычное, интересное и нужное. В прошлом году я подарила ему шлем, стоил он целое состояние. Зато радовался Виталья, как ребенок, когда нашел подарок под елкой.

По щекам заструились слезы. Я чувствовала, как они стекают по вискам и теряются в волосах. Прости, Виталь, что не уберегла тебя, что позволила умереть и оставить меня одну.

Филипп, одетый в торжественный фрак, приглашает на танец красивую девушку в белом бальном платье, вышитом жемчугом. Он прижимает ее к себе и кружит по залу среди других танцующих пар...

Я понимала, что засыпаю и нахожусь на грани между сном и явью. Это было такое странное и приятное ощущение, когда ты перестаешь быть хозяином собственных мыслей, и бороться с ним не хочется.

Девушка улыбается ему, а он смотрит на нее с любовью, не обращая внимания на окружающих их людей. Для них не существует никого вокруг, они живут друг другом. Он наклоняется и целует ее, поцелуй длится бесконечно долго. Я смотрю на них и понимаю, что мечтаю оказаться на ее месте. Я грежу этим поцелуем, который она украла у меня. С самой первой нашей встречи мне не дает покоя мысль, какие у него губы, что чувствуешь, когда он прижимается ими к твоим? Или я все же знаю, какие они у него? Ведь это же он целовал меня ночью, хоть я этого и не желала! Он ли?.. Я не знаю, ничего не знаю, потому что тут творятся странные вещи, в которых я невольно принимаю участие. Меня окружают уродливые женщины и красивые мужчины. И все они сумасшедшие! Или это я, все же, сошла с ума, и живу в нереальном иллюзорном мире?..

Но эта девушка, что сейчас Филипп держит в объятьях, она – не я. Меня вообще здесь нет, а есть она. Она хозяйка праздника и она хозяйка его сердца...

Сквозь дрему я слышу какой-то звук. Точно знаю, что он не из моего сна, но глаза не слушаются, они продолжают оставаться закрытыми. Им до дрожи волнительно видеть явную страсть, что зарождается сейчас во взглядах танцующих мужчины и женщины. Вот он отрывается от ее губ и берет за руку. Она послушно идет за ним, и они скрываются за одной из дверей...

Я открыла глаза, все еще находясь во власти эротических фантазий. Филипп стоял рядом с диваном и рассматривал меня спящую. Мне казалось, что прошло несколько минут, но, видно, спала я намного дольше, раз собрание уже закончилось. Почему-то эта мысль меня напугала, и я слишком резко вскочила с дивана. Неожиданно закружилась голова, и я чуть не упала, не обхвати меня Филипп за талию.

Он не торопился отпускать меня, лишь сильнее прижал к себе. Я чувствовала его мускулистое тело и видела губы. Вот они, совсем близко. Стоит только сделать движение навстречу, и я прижмусь к ним своими. Но он же враг! Ведь он виноват во всем, что происходит со мной в последнее время.

Я перевела взгляд на его глаза. Кажется мне, или они стали еще чернее? Неужели он тоже испытывает желание поцеловать меня? Но я не могу... Это желание из разряда неосуществимых, я должна бороться с ним!

– Отпусти меня, – тихо, но четко выговорила я.

Филипп тут же убрал руки, но не торопился отходить от меня. Я наблюдала, как глаза его заволакивает ледяная дымка, и чувствовала, как сердце щемит от непонятной тоски.

– Ты моя собственность, и я вправе делать с тобой все, что захочу, – в голосе Филиппа звучала угроза. – Я мог бы взять тебя силой, принудить быть ласковой со мной. Поверь мне, для этого я располагаю всеми средствами. И ты никому не смогла бы пожаловаться.

– Так в чем проблема?! – с вызовом ответила я. Откуда только взялась эта храбрость, когда в душе я замирала от страха перед его словами, а больше всего взглядом. – Давай, действуй!

– А зачем мне это? – на лице Филиппа проступила явная брезгливость. – Я не привык брать женщин силой. И у меня нет в них недостатка.

Он отошел от меня недалеко, а я почувствовала, как задышала свободнее. Отчетливо поняла, что рядом с ним не могу толком дышать, что-то внутри сжималось, препятствуя циркуляции воздуха.

– С завтрашнего дня ты продолжишь работать. Вечерние процедуры тоже не отменяются, – равнодушно пояснял Филипп, не глядя больше на меня. – Ничего в твоей жизни не поменяется, кроме места проживания. Пойдем, я покажу тебе твою комнату.

Я поплелась за ним, стараясь не показывать, насколько мне паршиво. Сама не понимала, что со мной? Как можно одного человека так сильно ненавидеть и хотеть одновременно? Пройдет ли это когда-нибудь? Или тот факт, что теперь мы вынуждены жить вместе, усугубит мое состояние?

Филипп толкнул одну из дверей, и я замерла на пороге, не веря глазам. Это был самый настоящий сад, с живыми растениями. Они были повсюду, даже стены увивала зелень. Я и в реальной-то жизни никогда не встречала подобного буйства красок, собранных в одном месте. Тут росли даже карликовые деревья, и некоторые из них сейчас цвели. А посреди всего этого великолепия стояла кровать. Сон на природе! Не хватало только щебета птиц и дуновения ветерка, чтобы почувствовать себя на воле.

– Но как?.. – я во все глаза смотрела на Филиппа, не в силах скрыть восторг. – Как это все может быть здесь?

– Очень просто, – равнодушно пожал он плечами. – Я создал условия, приближенные к естественным. Свет, воздух... А дальше природа взяла свое.

Тут было так светло, казалось, вот сейчас из-за тучки выглянет солнце.

– Это... очень красиво, – я посмотрела на Филиппа и первый раз испытала чувство настоящей благодарности. – Спасибо!

– Не за что, – он мельком взглянул на меня и тут же отвернулся. Но я успела заметить признаки смущения на его лице.

Филипп показал мне еще, где находится ванная размером с небольшое футбольное поле и столовая, где я буду завтракать и ужинать.

Когда он ушел, я поспешила в свою комнату-сад, не терпелось побродить между растениями, потрогать их руками, вдохнуть волнующих запахов жизни. Я удивлялась этим чудесным созданиям, они умудрялись пахнуть даже в неволи.

Заглянув в платяной шкаф, я с мрачным удовлетворением подметила, что гардероб мой пополнился разнообразием халатов неизменного зеленого цвета. Ну хоть этот мешок можно выбросить, оглядела я свой «наряд».

Филипп не появлялся до самого вечера, пока не пришло время отправляться на обследование. Вернее, пришел он загодя, чтобы мы успели поужинать. В столовой меня ожидало еще одно откровение, которые, я думала, на сегодня закончены. Я увидела сразу трех красивых девушек, не считая Светланы. Они были одеты в неизменные зеленые халаты, правда гораздо более изысканных фасонов, даже кокетливых, вроде тех, что висели в моем шкафу, и один из которых я выбрала на сегодняшний вечер. Девушки по очереди подносили нам блюда и меняли их на столе. Я наконец-то узнала, кто пользуется коктейльными палочками, которых я скрутила, наверное, уже миллион. Эти черные трубочки равнодушно выглядывали из высоких бокалов с какими-то напитками. Вот тут я взбесилась по-настоящему. Схватила одну из них и бросила на стол, разве что не сломала. Пить через нее точно не собиралась. Филипп насмешливо наблюдал за моими манипуляциями.

– Что?! – с вызовом выкрикнула я. – Не собираюсь пить через эту дрянь! Покрути их с мое!..

– И зря, – в голосе Филиппа прятался смех, и я вдруг отчетливо поняла, что хочу его услышать и увидеть, как улыбка меняет его лицо. Но ничего не произошло, он спокойно продолжил: – Коктейльные палочки меняют вкус напитка, они обогащают его кислородом.

– Ничего, обойдусь, – буркнула я и демонстративно припала к бокалу. От злости я вообще не разобрала вкуса напитка. – А это... – я кивнула вслед удаляющейся девушке, – твои убажательницы?

Филипп кивнул, посчитав, что этого вполне достаточно для ответа.

– Так много? – допытывалась я, чувствуя, как в душе растет неприятное чувство, названия которому я не знала.

– Ну, да... А что тебя удивляет?

– Ах, ну да. Ты же первый советник, – съехидничала я и чуть не подавилась от следующей реплики Филиппа.

– У меня их гораздо больше, чем ты думаешь.

Да что это со мной? Я почувствовала, как руки затряслись, и быстро спрятала их под стол. Уставилась в тарелку, осененная внезапной мыслью. Я ревную! Ревную Филиппа ко всем этим девушкам. На душе было так противно, что захотелось закатить истерику прямо тут, за столом, с морем слез. Я даже почувствовала, как они подступили к глазам. Чтобы не дать им пролиться, начала кусать себе губы, пока не ощутила привкус крови во рту.

– Что с тобой? – услышала я голос Филиппа и еще ниже наклонила голову. – Не нравится еда?

Я боялась, если заговорю, он по голосу поймет, что я готова разрыдаться.

– Фаина, посмотри на меня, – строго потребовал Филипп.

Я затрясла головой, понимая, что слезы уже переполнили глаза и сейчас начнут капать. Филипп протянул руку, чтобы дотронуться до меня, и это послужило сигналом – я вскочила, опрокидывая стул, и выбежала из столовой.

Все, не могу больше, не могу!.. Прижимая спиной дверь в свою комнату, которую пытался открыть Филипп, я молча рыдала, размазывая слезы по щекам.

– Фаина, открой дверь, – увещевал меня Филипп. – Пусты меня.

– Нет, – крикнула я. – Подожди там, я сейчас...

Я влюбилась в него! – осенило меня. Влюбилась в своего врага. Нельзя поддаваться этому чувству. Я должна бороться с ним. Но как? Да и как можно любить такого, как он?! Что же делать? Есть только один способ – напустить на себя побольше равнодушия. Со временем это опротивит ему настолько, что он вынужден будет прогнать меня. Остается решить, как буду жить дальше, если конечно мне дадут такую возможность. Почему-то в тот момент я отчетливо поняла, что жизнь моя продлится не так уж и долго.

Вот уж не думала, что так вообще в жизни случается, что можно влюбиться вопреки всему, как в той пословице. Дикость, да и только! Чем больше я об этом думала, тем сильнее убеждалась, что испытываю к Филиппу именно нежные чувства, несмотря ни на что, вопреки тому, что тут со мной происходит, и какое участие он во всем этом принимает. Что это – стокгольмский синдром? Конечно же, я смогу сделать так, чтобы он никогда не узнал об этом. Но с собой-то мне что делать? Как вытравить эту заразу из сердца?

Размышления о собственной незавидной участи принесли результат. Слезы высохли, и я смогла спокойно умыться, причесаться и выйти к Филиппу. На лице не осталось и следа отчаяния, оно теперь разместилось в самом центре сердца, заставляя последнее щемить постоянно.

Если Филиппа и разозлило мое поведение, то он и виду не выказал. Встретил меня с абсолютно спокойным лицом. Задал единственный вопрос:

– Готова?

Я до такой степени боялась выпустить свое чувство к Филиппу, что еще больше увеличила дистанцию между нами. Он с недоумением наблюдал, как я практически вжалась в стену лифта, пока он доставлял нас на уровень ниже. Потом первая выскочила из него и чуть ли не бегом устремилась в направлении медпункта.

Я так обрадовалась добродушному лицу Алексея, что не выдержала, бросилась ему на шею и расцеловала. Он покраснел, как рак, и стал улыбаться еще шире.

– Так рада тебя видеть! – чуть не плача проговорила я. Видно, слезы на всякий случай были поблизости, вдруг мне опять захочется их пролить. Даже услужливо выступили на глазах.

– Я тоже рад... – Алексей продолжал улыбаться, ничего не понимая. – Я слышал, тебе удалось избежать наказания? Очень рад этому.

Ну, вот зачем он это сказал? Зачем напомнил, что я теперь собственность Филиппа. Всю дорогу пыталась отвлечься от этой мысли, а он... Он все испортил! Я разрыдалась, мысленно обзывая себя истеричкой.

– Фая, что с тобой? – уголки губ Алексея стремительно поползли вниз. – Он тебя обижает, да?

– Нет, нет... – прорыдала я. – Все нормально. Это просто нервы. Не обращай внимания.

Я сама открыла капсулу и начала неуклюже в нее забираться. Алексей подскочил, чтобы помочь мне, и я отчетливо поняла – его руки, которые должны поддерживать меня, на самом деле ласкают. Это только сегодня, или так было всегда? Он крепче положенного сжимал мою талию. Его пальцы практически касались моей груди. Лицо находилось так близко, что я чувствовала его дыхание на шее, и как шевелились в том месте волосы.

Я обернулась и посмотрела на Алексея. Его лицо было таким, как всегда, – деловым и добрым. Может, я схожу с ума на почве вновь приобретенной влюбленности, и мне всюду чудятся домогательства?

После сеанса Алексей выглядел немного озадаченным, да и мне мешали говорить бестолковые подозрения. В итоге настроение испортилось окончательно. Мрачнее тучи я возвращалась обратно, в жилище Филиппа. Да и сам он пребывал в задумчивости и не пытался заговорить со мной. Что-то творилось вокруг меня, как подсказывала интуиция. И Алексей, и Филипп не просто так себя вели. Была какая-то причина, и скорее всего касалась она меня. Хотя, может это все явилось игрой моего больного воображения, и Филипп просто дует, а за задумчивость Алексея я приняла банальную усталость.

Вернувшись в свою комнату, я обнаружила, что цветы политы и постель расправлена. Вот как? За меня все будет делать прислуга? Интересно, она из ублажительниц или горбунья? Вряд ли он станет терпеть рядом с собой уродство.

Я завалилась на постель и решила дать волю грусти. В конце концов, кто сказал, что влюбляются только тогда, когда это уместно. И необязательно, что избранник должен быть достойным. На то она и любовь, чтобы настигать неожиданно и вопреки всему.

Я думала о Филиппе. Мне нравилось представлять его. Каким бы он был, живи среди людей? Наверное, жутко избалованным женским вниманием. Кто же пройдет мимо такого красавчика? Почему он спас меня от наказания? Из сострадания? Или потому, что у него есть какие-то планы на меня, о которых глава совета не знает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.